

П. Серю

Лозаннский университет, Швейцария

ORCID ID: — **E-mail:** Patrick.Seriot@unil.ch.**Что стоит за названием молдавского языка?**

АННОТАЦИЯ. В свете концепций национальной идентичности рассматриваются существующие подходы к наименованию и определению сущности языка Республики Молдова. Рассматривается метадискурсивный аспект спора, касающийся природы объекта-языка, выводящий на фундаментальные вопросы языкознания (о чем идет речь, когда язык используется как объект дискурса? Где начинается и заканчивается язык? Насколько компетентны в этом вопросе лингвисты?). «Молдавский язык» представляет собой сущность с изменяемой геометрией, пластичность которой допускает самые разнообразные и противоречивые аргументы, основанные на трех различных принципах: 1) позитивистском — существуют народы, и каждый народ является «носителем» определенного языка (и именно потому, что он является носителем определенного языка, он и есть народ); 2) романтическом — чтобы построить литературный язык, интеллигенция должна опираться на язык народа; 3) административно-командном — для строительства литературного языка интеллигенция (писатели, поэты, языковеды) должна обучать народ говорить на правильном языке. Это сосуществование трех принципов в языковых дискуссиях в Восточной Европе имеет все признаки порочного круга, в котором причина и следствие постоянно занимают место друг друга. Молдавский язык, действительно «существующий» в умах тех, кто его так называет, является принципом утверждения идентичности, не столько средством общения, сколько критерием общности. Но в то же время он является и средством не-общения, стремящимся быть непонятым со стороны того, от кого хотят отличаться любой ценой, чтобы быть самими собой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: молдавский язык; румынский язык; языковая политика; национальная идентичность; дискурс о языке; литературный язык; принципы орфографии; орфография.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Серю Патрик, профессор, Лозаннский университет, Switzerland, CH-1015 Lausanne, Quartier UNIL-Chamberonne, Bâtiment Anthropole; e-mail: Patrick.Seriot@unil.ch.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Серю, П. Что стоит за названием молдавского языка? / П. Серю // Политическая лингвистика. — 2021. — № 2 (86). — С. 33-56. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_03.

Мы не нуждаемся во мнении лингвистов о том, как называется язык, на котором мы говорим. Это молдавский язык, который намного старше румынского языка.

В. Воронин, Президент Республики Молдова, декабрь 2003 года

Распространение в любой форме так называемого молдавского языка, отличающегося от румынского, является мошенничеством с научной точки зрения, нелепостью и утопией с исторической и практической точки зрения, а с политической точки зрения — это уничтожение этнической и культурной самобытности народа и, следовательно, это акт этнокультурного геноцида.

Coşeriu, 2002, с. 3

То, что название языка Республики Молдова является политическим вопросом, хорошо известно и широко обсуждается (см.: [Bellet 1997; Bernaz 2016; Bochmann 2013; Bruchis 1996; Cinclei 1996; Dyer 1996, 1999; Kazazis 1982; King 1994, 1995, 1997, 1999; Kleß 1955; Lența 2004; Mullen 1989; Trifon 1999, 2007, 2010]). Советский тезис заключался в том, что молдавский язык — это самостоятельный язык, отличный от румынского; румынский же тезис состоял (и состоит) в том, что молдавский — это просто название, данное румынскому языку политическими противниками. В сегодняшней Молдове сто-

ронники присоединения к Румынии или сближения с Евросоюзом называют свой язык румынским, те же, кто настаивает на полной независимости или склоняются к пророссийской ориентации, называют его молдавским. Смена политического большинства в правительстве ведет и к изменению названия государственного языка. Таким образом, противостояние прорумынского течения и автономистов зашло в тупик. Вопрос о названии языка принадлежит политико-идеологической области; являясь предметом политических наук, он касается отношений между Востоком и Западом в Европе,

что не имеет ничего общего с наукой о языке. Что еще можно сказать, раз для многих наблюдателей, особенно таких лингвистов, как Э. Кошеру, это ложная проблема, несобытие, не заслуживающее внимания серьезных специалистов?¹

На самом деле, ситуация совсем не простая. В Республике Молдова энтузиазм в отношении воссоединения с Румынией, последовавший за обретением независимости в 1989 г., сменился более осторожным отношением, ориентированным на автономию. С возвращением к власти многих чиновников старого режима в 1994 г. лозунг «румынский язык» является скорее лозунгом меньшинств в составе интеллигенции.

Важно, тем не менее, отметить, что спор об ономастике до такой степени проникает в повседневную практику, что к проблеме языкового вопроса в Молдове приходится подходить чрезвычайно осторожно. Дело в том, что по политическим причинам в Румынии молдаване называются «румынами» (будь то румынская провинция Молдова или независимая Республика Молдова), а в самой Республике Молдова — «молдаванами» (независимо от того, идет ли речь только о молдаванах независимой Республики или также о молдаванах румынской Молдовы).

1. CUJUS REGIO, EJUS LINGUA

Можно было бы подумать, что перед нами противостояние двух концепций национальной идентичности: *право почвы* (*jus solis*) против *права крови* (*jus sanguinis*). С одной стороны романтический эссенциалистский тезис: идентичность основана на общем языке и общем происхождении, а с другой стороны якобинский тезис общественного договора, основанный на общей территории и общем гражданстве. Но это не так, поскольку противники полностью согласны в одном: нация — это народ, а народ определяется своим языком, которому, поэтому, необходимо дать правильное *название*². Для того чтобы полемика в области наименования могла как-нибудь осмыслиться, она должна основываться на имплицитном постулате, который никогда не подвер-

¹ См.: «...what the Moldovans call themselves and their language is a political — not a linguistic — question» [King 1994: 345]; «The creation of Moldavian as a separate language has much more to do with politics than linguistics» [Kirkwood 1990: 7].

² Интересно сравнить вопрос о языке в Восточной Европе и в Швейцарии: для франкоязычных швейцарцев ясно, что 1) их язык *есть* французский; 2) они *не* французы; 3) название их языка не представляет никакой проблемы с точки зрения национальной идентичности.

гается изложению или обсуждению, а именно что нация определяется своим языком и что язык может принадлежать только одной нации. Этот гегельянский принцип, заимствованный И. В. Сталиным в 1913 г.³, парадоксально составляет основу как романтизма, так и позитивизма, и является фундаментом специфичности *дискурса о языке* в Восточной Европе, делая этот дискурс чрезвычайно трудным для понимания во франкоязычном мире.

Будучи запутанным объектом заумного спора, молдавский язык представляет собой явление, в котором причинно-следственные отношения до такой степени сливаются в одно русло, что оно превращается в порочный круг: специфика эссенциалистского тезиса в Республике Молдова заключается в том, что, с одной стороны, язык определяет нацию, но, с другой — именно государство определяет язык. Запутанность определений создает целый клубок неразрешимых противоречий в вопросе о национальной идентичности.

Как ни странно, то, что профессиональные *лингвисты* лично участвовали в споре по поводу наименования, осталось практически незамеченным. При том, что для поддержки политических решений была призвана отдельная дисциплина с такими строгими методами, как фонология. Во имя научности с позитивистским обликом были сформулированы весьма эмоциональные вопросы идентичности, затрагивавшие жизни миллионов людей. Это заслуживает осмысления. Данная статья касается дискурса лингвистов и, точнее, в более широком смысле, *дискурса о молдавском языке* и набора ар-

³ Напомним, что для Сталина нацией является «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [Сталин 1913]. Очевидно, что Швейцария в этом романтико-позитивистско-сталинском определении не может считаться нацией, в лучшем случае это либо этнографический материал, ожидающий строительства национального языка ее поэтами и писателями, либо, наоборот, ответственная территория, где франкоязычные граждане (Suisse romands), составляющие часть французского народа на ирредентистской территории, когда-нибудь должны будут присоединиться к Франции — матери-родине, как немецкоязычные граждане к Германии или италияязычные граждане к Италии. В этом случае носители ретороманского языка будут первым ядром формирования возможной швейцарской нации на языковой основе. Этот тип рассуждения, как правило, очень трудно понять франкоязычным студентам, которые привыкли к гражданскому — а не к этноязыковому — определению нации.

гументов, используемых для каждого из двух тезисов¹. Можно предположить, что дискурс о языке в Восточной Европе может в чем-то пролить свет на проблему *представлений о языке*, в том числе в среде лингвистов-профессионалов. Не отвергая тезиса сплошной политизированности этой проблемы, я хотел бы здесь рассмотреть метадискурсивный аспект спора, касающийся природы объекта-языка в молдавском языковом споре. Насколько мне известно, в отличие от общественно-политической стороны спора о названии языка Молдовы, *лингвистические* аспекты этой проблемы мало кем подробно рассматривались, либо по сознательному игнорированию, либо просто по неведению. Я же, наоборот, думаю, что этот способ углубления в детали в глоттонимическом споре выводит на поверхность фундаментальный вопрос языкознания: о чем идет речь, когда язык используется как объект дискурса? Где начинается и заканчивается язык? Каковы его *пределы*? Насколько компетентны в этом вопросе лингвисты? Таким образом, эта работа касается не столько языковой политики, сколько политики языковедческой.

Нам необходимо будет найти рамки для размышлений, чтобы не попасть в ловушку воинствующего дискурса и осторожно двигаться по теме тождества и различия, вокруг существенного семиотического вопроса: *вещь ли образует имя или, наоборот, имя образует вещь?*

На так называемом «Западе» существует мнение, что *молдавский язык* — это русское название того румынского языка, на котором говорят в Молдове, и что «молдавский — это язык, близкий к румынскому». Тем не менее, если для логика Г. Фреге [Frege 1892], нет сомнения, что утренняя звезда и вечерняя звезда являются двумя разными *смыслами* (Sinn) для одного и того же *денотата* (Bedeutung: планета Венера), то гораздо менее ясно, что названия «молдавский» и «румынский» могут просто отсылать к *одному и тому же* языку, понятию такому же устойчивому и уникальному, как и Венера, если мы заранее не установили то, что мы имеем в виду под термином *язык*.

В сущности, спор можно представить как столкновение двух онтологических утверждений, двух взаимоисключающих уравне-

¹ Здесь мы будем придерживаться академической литературы (отдельная работа, но более трудная, должна быть посвящена беседам в кафе, политическим диспутам, патриотическим стихам, письмам читателей, социальным сетям и т. д.).

ний: молдавский (M) *есть / не есть* румынский (R)².

M = P

M ≠ P

Но дискурс о языке не позволяет себя ограничивать категориями бинарной логики, и между этими двумя противоположными позициями существует ряд промежуточных решений.

Категорические заявления соприкасаются и отсылают к самоочевидным определениям, в которых эмпирическая несомненность является уязвимым моментом, что позволяет обойтись без доказательств и аргументов:

(a) M = P³:

- «Молдавский и румынский языки абсолютно одинаковые» [Kamusella 2015: 14];
- «Было легко сравнить грамматики обоих языков, чтобы сделать вывод, что стандартный язык в Румынии и в постсоветской Молдове — один и тот же язык» [Damian 2017, без стр.];
- «Разница между румынским и молдавским языками не очень заметна» [Drweski 2006: 16];

(a') M = чисто искусственное изобретение, зловещий план:

- «Для населения периферии Советского Союза благодаря выбору азбуки и лексической и грамматической реконструкции создаются языки, объявляемые как совершенно отличные от тех, на которых говорят на той стороне границы: молдавский язык, таким образом, построен на основе отмежевания от румынского» (Thiesse 2001, 239);
- «Изменились и особенности языковой политики, но возникает одна четкая тема: с языком проводились манипуляции для того, чтобы создать этническую идентичность для жителей, прежде всего, Молдавской АССР и, позднее, Молдавской ССР» [Grenoble 2003: 90];
- «Игнорирование по политическим причинам фундаментальной иден-

² По совершенно параллельному вопросу о конфликтных отношениях между болгарским и македонскими языками см.: «Должны ли языки иметь название? Случай македонского языка» (Sériot, 2019).

³ Языки, как и государства, по-видимому, нуждаются в международном признании. Молдавская Википедия была закрыта в 2006 году [Kamusella 2015: 81], в то время как две версии белорусской Википедии: *наркомоўка* и *тарашкевица* — до сих пор сосуществуют.

тичности стандартного языка по обе стороны Прута является ерундой, неприемлемой для любого здравомыслящего человека, если бы не эта сумасбродная идея, что называть этот язык румынским автоматически привело бы к претензии на объединение с Румынией. Дискурсивная путаница объясняется тем, что язык, нация и государство рассматриваются как одна „естественная“ единица» [Vochmann 2013: 32].

Веб-сайты туристических агентств можно разделить на две группы: с одной стороны М = Р и М = *близкий к Р*:

- «на улицах румынский язык соседствует с русским»;
- «‘молдавский язык’ — это просто другой способ говорить ‘румынский’»;
- «молдавский язык очень близкий к румынскому языку»;
- «Язык Молдовы — румынский. Многие люди, цитируя конституцию, называют ее молдовенештэ — это гибрид, слегка отличающийся от румынского языка»;
- «По словам лингвистов, ‘молдавский’ и ‘румынский’ относятся к одному и тому же языку»;

(а") М = диалект Р:

- «молдавский в основном является диалектом румынского языка»;
- «молдавский язык — индоевропейский язык, фактически диалектный подвид румынского. [...] История молдавского языка — это не что иное, как история румынского языка» [Caratini 1992];
- «Молдавский язык, параллельная разновидность румынского языка» [Lewis 1972: 264];
- «Молдавский, этот диалект румынского языка» [Grenoble 2003: 89];

(б) М ≠ Р:

- «Необходимо со всей решительностью указать, что эта точка зрения противоречит данным самого молдавского языка, историческому прошлому молдавского народа и современному его языковому сознанию. Несомненно, румынский и молдавский языки близки друг другу, но также несомненно и то, что сами молдоване не считают румынский язык своим родным языком, отдавая явное предпочтение языку, называемому ими ‘лимба молдовеняскэ’» [Бернштейн 1950: 10];
- «Последовательное обоснование прав молдавского языка на само-

стоятельность было дано в работах проф. М. В. Сергиевского. Изучение истории живого молдавского языка левобережных районов Приднестровья, его словарного состава привело советского исследователя к убеждению в правомерности взгляда на молдавский язык, как язык самостоятельный, язык молдавской нации» [Михальчи 1953: 56].

Когда после распада Советского Союза в августе 1991 г. была провозглашена Декларация независимости *Молдавии*, именно румынский язык был указан в качестве официального языка *Молдовы*. Но в 1994 г. в статье 13 новой Конституции объявилось, что государственным языком является молдавский. Наконец, в 2013 г. Конституционный суд вернулся к тексту Декларации независимости, сделав государственным языком румынский. Но это решение не было внесено в конституцию, которая сохраняет название государственного языка как молдавского. Тем не менее языком школьного и университетского образования остался румынский, чем создана неконституционная ситуация...

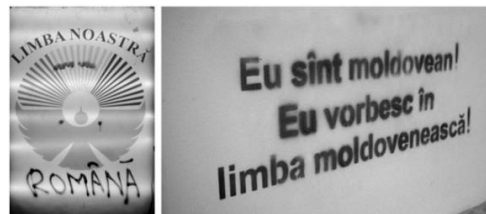

Рис. Два противоречащих друг другу граффити в республике Молдова. Слева: «Наш язык: румынский», справа: «Я молдаванин! Я говорю по-молдавски!»

Для того, чтобы продвинуться вглубь в наше понимание научного статуса языкознания, вовлеченного в дискуссии о названии языка Молдовы, следует упомянуть некоторые важные аспекты местной ситуации. В самом деле, для среднего западного человека Молдова находится где-то на *finis terrarum* (на краю земли), в районе, который кажется ему менее известным, нежели Огненная Земля. Эдгар Кинэ [Quinet 1856: 16] говорил по поводу самих румын об «отдаленных окраинах цивилизованного мира».

Именно здесь вопрос о терминологии приобретает определяющее значение, причем данный вопрос усложняется еще и переводом используемых терминов. В споре постоянно фигурируют два термина, которые трудно перевести на французский или английский языки. С одной стороны, термин *родной язык* не является «материнским языком» [*langue maternelle, native language*],

а обозначает своего рода язык национальной родословной или этнической группы (*род* соответствует слову *genos* по-гречески, и *gens* по-латыни). Таким образом, при переписи населения молдавский гражданин, говорящий только на русском языке, может указать молдавский как «родной язык», одновременно объявляя себя молдаванином по этническому признаку. С другой стороны, термин *литературный язык*, которую можно перевести по-французски только как *langue littéraire*, не обозначает ни язык художественной литературы, ни стандартный язык, а скорее язык образования и образованных людей, возникший в результате преднамеренного конструирования сознательными усилиями писателей из материала «языка народа». В зависимости от авторов, это может быть либо научная норма «образованной части населения», либо единый язык народа, достигшего исторической стадии *нации*.

Например:

«[в Молдавии] работа над созданием единого литературного языка, над усовершенствованием его выразительных средств и его обогащением дала за XVII и XVIII вв. значительные результаты» [Шишмарев 1953: 113].

Конечно, этот термин, «литературный язык», мало чем отличается от того же словосочетания, которое используется Мейе, Теньером или даже Соссюром в смысле нормативного, кодифицированного языка (ср. немецкое *Hochsprache*). Но в романтической идеологии, характеризующей дискурс о языке в Восточной Европе, этот литературный язык основан на предположении «всенародного» единодушия, что вызывает постоянную путаницу между нормой и узусом. Язык, как и нация, считается объективным явлением, но в то же время он должен *строиться*. Так что дискурс о языке постоянно колеблется между описанием и предписанием:

«Новое положение сообщило Молдавии новые права, но возложило на нее и новые обязанности, к числу которых принадлежит разработка и совершенствование национального языка как орудия литературы, науки и других видов идеологической и культурной работы» [Шишмарев 1953: 115].

Литературный язык является одновременно свершившимся фактом, сложившимся в результате многолетней деятельности великих писателей, близких к народу, и задачей, которую надо бесконечно решать при историко-культурном подходе, далеко от соссюррианской перспективы. Здесь запутанная диалектика, основанная на риторическом приеме «а, тем не менее, не-а», соеди-

няет несовместимые позиции. Так, Р. А. Будагов пишет на тему «сознательного вмешательства в язык»:

«Уже давно традиция русской лингвистической мысли не допускала противопоставления таких понятий, как „объективный“ и „находящийся под воздействием“. Язык развивается вполне объективно, по независящим от человека условиям, и вместе с тем говорящие на данном языке люди, и в первую очередь выдающиеся писатели и ученые, способны воздействовать на этот же язык, на особенности его лексики и семантики, синтаксиса и стилистики» [Будагов 1976: 6].

«Молдавский литературный язык имеет свои особенности в литературной норме и в узусе современных молдавских писателей. Двадцать лет тому назад акад. В. Ф. Шишмарев справедливо писал: „Работа по развитию и совершенствованию языка в Молдавии — дело культурных кругов самого молдавского народа и в первую очередь его писателей...“¹» [Там же: 7].

Внимательное прочтение этих скучных и строгих текстов выявляет ряд положений или постулатов, лежащих в основе разногласий по данному поводу. По сути дела, объект дискурса является *онтологическим* по своей природе: ни один вопрос о его построении не нарушает навязчивый перечень голых утверждений и обличительных речей, колеблющихся между наблюдениями и требованиями, в которых лингвистике отводится главенствующая роль. Таким образом, первый постулат заключается в том, что *существуют* этнические группы, поддающиеся перечислению наравне с другими объективными явлениями, и что эти этнические группы распознаются по определенному языку, совершенно *отличному* от других языков. Вот почему в этих конкурирующих версиях дискурса об идентичности вопрос о названии языка, на котором говорит большинство молдавских граждан, является основополагающим: если это молдавский язык, то гражданам Молдовы представляют собой *нацию*, отличную от румынской, поэтому присоединение Молдовы к Румынии было бы бессмысленным. С другой стороны, если это румынский язык, то Молдова является землей ирредентизма, искусственно отделенной от румынской родины. Но это порочный круг, созданный перестановкой доказательств в силлогизме, который топчется на одном месте:

¹ В. Ф. Шишмарев. Романские языки Юго-Восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР // Вопросы языкознания. 1952. № 1. С. 106.

- 1) – Молдова является нацией;
  - но каждая нация определяется своим языком;
  - значит, Молдова определяется на основе молдавского языка.
- 2) – Молдавский язык отличается от румынского;
  - Сейчас в Молдове говорят по-молдавски;
  - Следовательно, Молдова является нацией.

Итак, можно умножать псевдологические силлогизмы, в которых главная или средняя посылка уже в самом начале устанавливает то, что требовалось доказать:

- 1) – сколько наций, столько национальных языков;
  - а Молдова является нацией;
  - следовательно, молдавский язык — язык молдавской нации.
- 2) в данном случае слабым звеном является главная посылка:
  - молдавский язык представляет собой язык сам по себе;
  - но сколько наций, столько национальных языков;
  - следовательно, Молдова сама по себе является нацией.

Вариант:

- каждая нация обладает особым языком;
- а Молдавия есть нация;
- следовательно, ее язык особый.

В этой удивительной онтологии, где ГОВОРИТЬ на молдавском языке означает БЫТЬ молдаванином¹, курица и яйцо становятся одним и тем же неразрывным целым, не поддающимся никакому рациональному анализу. Таким образом, все построение, одновременно позитивистское и романтическое, уравнения «один язык = один народ = одна нация» представляет собой неустойчивую конструкцию, чисто бумажное создание.

В лучшем случае молдавский язык может рассматриваться большинством социолингвистов как язык *Abstand* (сформированный местным узусом), вариант румынского, который сам является языком *Ausbau*, называемым «литературным» в бывшем СССР среди восточно-романских языков.

Но этот официальный стандартизированный молдавский язык не следует путать с нынешним региональным языком, используемым в Бессарабии и румынской Молдавии. В свою очередь, этот региональный узус

¹ См. название статьи Vilcu-Poustovaia (1996): «Если я молдаванин, я говорю по-молдавски или Я говорю по-румынски, значит, я румын».

можно разделить на два подварианта по обе стороны от границы, проходящей по Пруту.

2. ДВОЙСТВЕННЫЙ ДИСКУРС О СЛОЖНЫХ И ЗАПУТАННЫХ ФАКТАХ

Попробуем обобщить вереницу фактов и распутать таким образом клубок взаимоисключающих националистических исторических дискурсов.

Начнем с фактов, если таковыми можно назвать *факты*, когда речь идет о *знаках*, потому что здесь следует проанализировать именно *порядок дискурса*. Дискурс о языке представляет собой политику, которая под видом названия якобы уже существующего объекта не осмеливается выступить как таковая. В гуманитарных и социальных науках имена — это ловушки, и их денотат изменчив.

Существуют две Молдовы, одна из которых в свою очередь делится на две. Но ни одна из трех не соответствует исторической Молдове.

Между римской оккупацией Дакии (с 106 по 270 г. н. э.) и основанием двух «дунайских княжеств» Валахии и Молдавии в XIV в. между Карпатской дугой и Днестром лежат темные века, история которых настолько плохо задокументирована, что она вызывает противоречивые истолкования. Румынский национализм придерживается тезиса об *автохтонности*: румынское население непрерывно проживало в Румынии со времен Римской империи. Венгерский и (иногда) русский тезис — *миграционный*: румыны пришли с юга Дуная и не являются потомками римских поселенцев. В обоих случаях «истина» утверждается сама по себе и обходится без аргументов². Эти два тезиса объединяет требование о первенстве во владении территорией — по универсальному образцу спора на Балканах: если даки — это своего рода славяне, то последние являются коренным населением, а румыны — поздними захватчиками. Конфликт обостряется взаимными обвинениями в «варварстве»³.

Княжества вскоре стали вассалами Османской империи. Их этнический состав был очень разнообразен. Этот регион имел первостепенное стратегическое значение как выход России к проливам, открывающим проход в Черное море. В результате войн

² Пример: «Без малейшей тени сомнения... непрерывное наличие румынского элемента на левом берегу Дуная есть истина сама собой разумеющаяся» [Bogdan 1905: 17, цит. по: Шишмарев 1952: 81].

³ На тему «варварства римлян» см.: [Sériot 1988].

между Россией и Турцией¹ половина Молдавии была присоединена к России по Бухарестскому договору 1812 г. — Бессарабия, расположенная между Прутом и Днестром. Молдавский господарь (руководитель государства) выступал с протестом, потому что молдавско-османский вассальный договор предусматривал нерушимость молдавских границ, но сила оружия оказалась преобладающей. После непродолжительного периода мирного сосуществования местный язык в Бессарабии был устранен из всех официальных сфер, и только русский стал административным языком и языком образования². В конце XIX в. в публичной библиотеке Chişinău / Кишинёва не было ни одной книги на молдавском языке [Шишмарев 1953: 114]. Напротив, немцы, болгары и греки³ сохранили право учить свой язык в системе государственного образования.

В зависимости от точки зрения, после аннексии / воссоединения⁴ 1812 г. жители Западной Молдавии (правый берег Прута) укрывались в Бессарабии, чтобы бежать от османского строя, или, наоборот, жители Бессарабии переходили на западную сторону, чтобы вновь обрести свою подлинную родину. С 1878 г. граница на Пруте полностью закрылась с русской стороны. Здесь опять видны несовместимые дискурсы о национальной идентичности. Румынофилы подчеркивали царский гнет в Бессарабии (там было введено крепостное право, а в княжествах оно было отменено с 1774 г.), русофилы, наоборот, настаивали на положительном и просветительском аспекте принадлежности к России:

«Присоединение Бессарабии к России в 1812 г. было прогрессивным актом в истории молдавского народа. [...] Отрыв Бессарабии от Молдавии⁵ имел своим последствием на

¹ В XIX веке Российский Царь был «защитником» православных христиан в Османской империи, так же как император Наполеон III был защитником христиан-католиков.

² Аналогичным образом в аннексированной австрийцами Буковине, другой части Молдавского княжества, официальным языком стал немецкий.

³ Необходимо пояснить, что речь идет о немецкоязычных, болгароязычных и грекоязычных подданных Российской империи, а не об иностранных гражданах.

⁴ В этой работе словосочетания типа «аннексия / присоединение» или «оккупация / освобождение» какой-то территории оставлены на усмотрение читателя, который сможет вычеркнуть ненужное в соответствии со своими убеждениями или своим представлением об объективности.

⁵ В XIX веке в русской терминологии *Бессарабия* (левый берег Прута) противопоставлялась *Молдавии* (правый берег).

первых же порах отрыв от тех отсталых восточных традиций, которые тормозили развитие Молдавии, как и других стран на Балканах, где *Россия* играла объективно прогрессивную роль. Наконец, в царской же России развились, невзирая на гнет и мракобесие царизма, та прогрессивная мысль и революционное движение, к которым приобщилась постепенно и Бессарабия» [Шишмарев 1953: 115].

В 1859 г. Валахия и Западная Молдавия объединились в «(малую) Румынию», освободившуюся от турок, где стал использоваться латинский алфавит. А в Бессарабии (Восточной Молдавии) продолжалось использование кириллицы в собственно русской версии.

Румынская элита, сформированная национальным романтическим движением, стремилась «ре-романизировать» молдавско-валахский язык, недавно объединенный под названием *румынского* (*limba româna*), путем введения множества неологизмов, образованных на основе латинского, итальянского и французского языков, и мечтала сделать румынский «французским языком Востока» [см.: Kamusella 2015: 41].

«Ре-латинизация» словарного состава, принятая румынскими учеными, была направлена на выявление «истинной природы» румынского языка. Здесь снова столкнулись две позиции в этой конструкции идентичности: либо стремление заново открыть подлинные, но забытые корни, либо, наоборот, утрата культуры аутентичного молдавского языка, лишённого очень многих славянских и, следовательно, не-западных черт.

В конце Первой мировой войны Бессарабия была «оккупирована / освобождена» Румынией, которая получила эту территорию по Сен-Жерменскому договору в 1919 г., чтобы объединить ее с Трансильванией и Буковиной и образовать Великую Румынию (*România mare*). Официальным языком Бессарабского края стал румынский в румынском варианте. Но православное духовенство протестовало против введения латинского алфавита, так как до этого времени в (православной) церкви в Бессарабии использовалась кириллица и многие родители учеников не желали переходить с русского языка на румынский на латинском алфавите [см.: de Martonne 1919: 524].

Великорумынское королевство (1919—1944) — эпоха, которую румынофильские молдавские круги считают своего рода золотым веком своей национальности, в то время как, наоборот, в советской версии речь ведется о «буржуазной *иностранной* оккупации» Бессарабии.

В период с 1945 по 1989 г. Молдавская Советская Социалистическая Республика (МССР) была отделена от (социалистической) Румынии непроницаемой границей. Колочая проволока на советском берегу Прута не позволяла ловить рыбу (а на румынской стороне доступ к реке был свободный). Контакты с Румынией были сведены к минимуму, румынские книги были более доступны в Москве, чем в Кишинёве/Chişinău.

После событий 1812 г. голова кружится от чехарды названий. С этого момента означенное Молдавия отсылается к Целому или к одной из двух частей в непрерывном, но редко объясняемом круге.

Географическое прилагательное *молдавский* может относиться ко всему, что связано с исторической территорией Молдовы. Что касается этнонима «молдаванин», то он обозначает жителей исторической Молдовы (до раздела 1812 г.), иногда только жителей Республики Молдова, иногда только молдавских жителей этой территории.

Бывшее княжество Молдова сегодня разделено между:

- Молдавской провинцией в Румынии к западу от Прута,
- Республикой Молдова к востоку от Прута, правопреемницей Молдавской Советской Социалистической Республики,
- и Украиной, т. е. Черновицкой областью (*Чернівці* по-украински, или *Cernăuți* на румынском языке), и частью Одесской области, расположенной к западу от Днестра / Nistru: Буджак / Вугеас.

3. ГДЕ, КОГДА, НА КАКОМ ЯЗЫКЕ ГОВОРИЛИ?

Долгое время письменность в Валахии и Молдавии была церковнославянской (господствующей религией было православие, принесенное болгарями, а не греками и находившееся в тесной связи с русской церковью). Первые тексты на народном языке (1643 г.) написаны кириллицей. Этот язык известен в XIX в. на Западе как *молдавско-валашский*. Прилагательное «молдавско-валашский» долго имело во французском языке (*moldo-valaque*) уничижительное значение «далекой и причудливой страны, возможно, несуществующей» (*Dictionnaire Larousse*, без даты) и непонятного языка, тарбарщины. Это был язык на латинской основе, но со многими славянскими элементами. Согласно разным версиям, молдавско-валашский был единым языком (румынский тезис), или, наоборот, молдавский и валашский были двумя разными языками (советский тезис). Из-за этой разницы в оценках возможны два конкурирующих дискурса: ру-

мынский язык Румынии является либо результатом гармоничного симбиоза молдавского и валашского языков, либо, наоборот, нормализацией валашского языка в ущерб молдавскому.

3.1. Молдавский язык в МССР

В 1924 г. на территории Советской Украины была создана Молдавская Советская Социалистическая Автономная Республика (МССР), которая примерно соответствовала территории современного Приднестровья, своего рода плацдарма для утверждения принадлежности Бессарабии к СССР. Эта территория на левом берегу Днестра никогда не входила в состав Румынии или Молдавского княжества и была населена в основном украинцами.

Германо-советский договор (1939 г.) разрешил СССР оккупировать / аннексировать / освободить Бессарабию в 1940 г. Несколько месяцев спустя Румыния, тогдашняя союзница Германии, повторно оккупировала / освободила Бессарабию, из которой она затем была окончательно изгнана советской армией в 1944 г.

Еще в 1924 г. в этой недавно созданной МССР на повестке дня стояло создание молдавского языка, максимально отличного от румынского. Исходя из принципа, что язык — это содержание и что румынский является «буржуазным языком», первые решения правительства заключались в том, чтобы создать «подлинный народный язык»: молдавский. В этом проявлялась вся двусмысленность слова «народ»: в социалистическом смысле оно противопоставляется аристократии и буржуазии, а в романтическом — всем другим народам (в данном случае румынскому народу).

В первый период, с 1924 по 1926 г., были приняты румынские языковые нормы, затем, с 1926 по 1936 г., бессарабские коммунистические кадры, бежавшие из Румынии в МССР, выступали за политику создания стандарта, как можно более удаленного от румынского.

В своем предисловии к грамматике молдавского языка Л. Мадана, опубликованной в МССР в 1929 г., народный комиссар по вопросам образования П. Киор (1902—1943) критиковал первые попытки стандартизации молдавского языка на советской территории (1925):

«В области форм развития языка, его направления, лексики и особенно правописания в центральных культурных учреждениях АМССР (НКПрос, Госиздат, Редакция „Плугарю Рош“) господствовало „псевдомолдавское“, т. е. румынское направление. [...] В основе этого ложного направления

(румынского) лежало: некритическое, механическое принятие традиционного молдавского языка, оставленного нам в наследство молдавскими националистами-румынофилами в Бессарабии либо бессарабской церковью, исходившей в своей пропаганде и издательстве литературы из „обще-румынского“ языка — у одних работников; либо боязнь перед трудностями развития и оформления „бедного“ молдавского языка, когда на лицо имеется богатый, развитый и уже оформленный румын. язык, — у других работников. Оба упомянутых выше направления были, конечно, ошибочны со всех точек зрения, в том числе и с политической. Румынское направление в языке в упомянутый период находилось в резком противоречии с наличием живого народного молдавского языка, не укладывавшегося ни в какие искусственные, принципиальные или прочие, грамматические румынские рамки. [...] Для широких молдавских масс наш язык и правописание „1925 года“ были непонятны, неприемлемы, о чем свидетельствуют многочисленные выступления молдавских рабочих, крестьян и низовой интеллигенции на съездах советов, селькоров, учительских конференциях и пр. Лишь к осени 1926 г. руководящие органы, в том числе и Наркомпрос АМССР, подошли вплотную к вопросу о языке, о его развитии, направлении, правописании и т. д. Решения сентябрьского Пленума Обкома КП(б)У, решения II-го Съезда Советов АМССР внесли окончательную ясность в разгоревшиеся споры вокруг молдавского языка. Эти решения ясно указали на необходимость развития и оформления именно *молдавского языка*; что молдавский язык есть отдельный язык, в сравнении с родственным ему, правда, румынским языком, который в силу многих исторических условий чужд и непонятен нашему молдавану» [Киор [Chior] 1929: III—V].

Но эту чисто молдовоцентрическую ориентацию быстро прервали во имя «борьбы с местным национализмом и великодержавным шовинизмом», провозглашенной как догма на XVI съезде КП(б) в 1930 г. В 1932 г. по решению Исполкома Украины и МССАР в РАССМ был введен латинский алфавит и рекомендовались стандарты, более близкие к румынскому языку Румынии:

«До начала 1932 г. в этом вопросе имел место ряд извращений. Группа „самобытников“, укрепившись в Научном Комитете, проводила теорию Скрипника о „двух языках и двух национальностях, находящихся по ту и другую сторону Днестра“. Эта группа пыталась строить молдавский литературный язык исключительно на основе одного местного

диалекта, превращая его в язык непонятный для молдаван, говорящих на других диалектах. Некий Мадан, бывший тогда председателем лингвистической секции Научного Комитета, надумывал и протаскивал в литературный язык слова, непонятные молдавским трудящимся массам.

Молдавская партийная организация дала отпор „самобытничеству“ и „мадановщине“ и взяла твердую линию на усовершенствование и улучшение литературного языка, чтобы сделать его понятным для всех молдаван, где бы они ни жили и на каком бы диалекте они ни говорили. Одновременно ведется борьба против попыток протаскивания в молдавскую литературу офранцуженного лексикона румынской правящей верхушки, совершенно непонятного молдаванам даже в самой Румынии. Но это отнюдь не означает, что в литературный язык Советской Молдавии нельзя включать богатства литературного языка Румынской художественной литературы. Молдавский литературный язык в непримиримой борьбе с великодержавным шовинизмом и с местным национализмом, смыкавшимся с украинским национализмом и империалистическими интентами, поднимается на высшую ступень» [Гранде 1936: с. 177]¹.

В свою очередь, эта политика возврата к общерумынским нормам была отменена во время чисток 1936—1937 гг. с приходом к власти новых кадров, выходцев с левого берега Днестра, русскоязычных потомков молдаван, бежавших от турецкого владычества в XVIII веке. Вновь вводится кириллица и устанавливается стандарт, близкий к русскому, во имя борьбы с «буржуазным» национализмом и сближения с русскими пролетарскими массами. Литературный язык — это пластичная масса, подверженная политическим капризам момента, но всегда во имя «понимания народом», что недоброжелатели советского режима называют «преобразованием своего языка в молдавско-русско-украинский жаргон» [Bruchis 1982].

В эпоху создания МССАР в 1924 г. грамматики собственно молдавского языка еще не существовало. В соответствии с романтико-сталинским принципом, согласно которому нация характеризуется, среди прочего, языком, Политбюро Компартии Украины начало кампанию за установление молдавского языка, неотъемлемого проявления молдавской нации. В этой путанице причины и следствия, сущности и обязанности, в тупи-

¹ Б. Гранде (1891—1974) был семитологом-марристом, специализирующимся на вопросах алфавита.

ке, образованном оксюмороном описания / предписания, необходимо было тонко маневрировать: нация есть нация, потому что у нее есть язык, но чтобы нация существовала, необходимо выковать для нее язык. Молдавский язык существует, но в то же время его нужно создавать.

Здесь противопоставляются два подхода — с одной стороны, натуралистический дискурс: необходимо *отметить* специфику молдавского языка, и, с другой, волюнтаристский дискурс: эта специфика должна быть *построена*. Следовательно, необходимо было создать нормативную грамматику молдавского языка на основе «живых языков» левого берега Днестра и в то же время подтвердить, что молдавский язык существует со времен первых письменных памятников Молдавского княжества в XVII веке. В этом случае молдавский язык идентичен по обе стороны Прута. Но как тогда оправдать границу Румынии с Молдовой? Один народ, но две нации?

Дело в том, что проблема создания МССАР должна была решить двойную задачу: необходимо было создать национальную (антирумынскую) идентичность и одновременно во имя пролетарского интернационализма воспрепятствовать этнонационализму, скрытому в этой конструкции. Крайняя напряженность советской языковой политики в сталинскую эпоху была основана на этом неразрешимом противоречии.

В 1925 г. было официально принято правописание на кириллической основе и введены языковые новшества. Г. Бучушкану, нарком народного просвещения МССАР, издал грамматику, но с (кириллической) орфографией, которая использовалась в Бессарабии до революции 1917 г. (хотя и была запрещена с 1848 г.) [см.: Киор 1929: III].

В целом проект отражал идеологию, которую сегодня назвали бы «популистской»: он заключался в *создании* «литературного языка», близкого к народу, путем устранения всех заимствований и создания слов, которые, как предполагалось, должны были быть непосредственно понятны народу. В этом отношении к языку не было ничего оригинального, поскольку оно полностью вписывалось в языковую политику романтиков-националистов Центральной Европы начала XIX в., в частности чехов¹. Грамматика Л. Ма-

дана (1929) утверждала, что следует «марксистско-ленинским принципам подхода к лингвистическому вопросу». Продукт этой языковой деятельности, названный иностранными насмешниками «искусственным молдавско-русским гибридным жаргоном» [Deletant 1990: 195; Bruchis 1996: 22], следовал принципам московского лингвиста М. Сергиевского, который в 1939 г. хвалил грамматику Л. Мадана за то, что она избавила молдавский язык от иностранных элементов, чтобы сделать его языком молдавского народа, а не языком румынских помещиков. Здесь язык может только отражать идеологию социального класса.

Например, для слова *орфография* был избран буквальный перевод греческого слова, что дало *dreapta scriere* [«прямое письмо»], поскольку заимствованное слово *ortografia* уже существовало в румынском языке. Или *водород* стал называться *generator de apă* [«генератор воды»], чтобы отличаться от румынского *hydrogen*. Эти бесчисленные неологизмы были созвучны времени: в ту же эпоху лингвистический популизм в Германии превратил *Telephon* в *Fernsprecher*, который должен был лучше соответствовать духу «национального языка». Но в МССАР создание интеллектуалами «языка народа» — двусмысленного выражения, отражавшего как романтическую, так и социалистическую идеологию, имело два фундаментальных недостатка. С одной стороны, согласно многочисленным источникам, большинство «народных» неологизмов на самом деле были «научными» и поэтому непонятны тем, для кого они предназначались. Но, что еще хуже, из словаря исключались международные слова русского и украинского происхождения. Дело в том, что языковая политика в МССАР также разрывалась между двумя противоположными *политическими* тенденциями. С одной сторо-

тать неологизмы исключительно на местной основе. Таким образом, слово *Geographie* превратилось в *zeměpis* — буквальный перевод греческого «земля-письмо». Сходным образом в свое время А. С. Шишков предложил неологизм «землепись» как исконно русский эквивалент для *géographie*. Остается только понять, почему эти нововведения были с энтузиазмом восприняты на чешских землях, тогда как в Молдове они вызвали только непонимание и репрессии. Обратим внимание, что в начале войны в Югославии, примерно в 1991 г., хорватские националисты предложили заменить *televizija* словом *dalekovidnica*, дословным переводом с греческо-латинского «дально-видеть». Но то, что должно было быть подлинным словом на языке народа, на самом деле было всего лишь калькой немецкого слова *Fernsehen*...

¹ В 1820—1830-х гг. представители чешской интеллигенции выдвинули идею «национального пробуждения» (*národní obrození*): будучи все немецкоязычными, все страдали от того, что общественная и культурная жизнь находилась в руках австрийских хозяев. Но чешский в то время был языком крестьян и слуг. Тогда они стали изобре-

ны, (имплицитный) план по распространению социализма на румынскую территорию потребовал усиления стандартов румынского языка на латинице. С другой стороны, необходимо было противостоять любой общерумынской националистической направленности румынских жителей левого берега Днестра, а также Бессарабии, «аннексированной / оккупированной / присоединенной» Румынией, создавая, таким образом, язык, максимально отличный от румынского (несмотря на протесты румынских коммунистов-несталинистов).

Эти противоречивые гео- и, следовательно, глоттополитические ориентации привели к резким изменениям в управлении языковым вопросом в МССР.

Таким образом, введение кириллицы в МССР в 1924 г. (в противоречие с политикой латинизации нерусских языков в 1920-х гг.) стало первым видимым актом дифференциации с румынским и сближения с русским языком. Но после периода откровенной вражды в 1933 г. СССР и Румыния, столкнувшись с общей германской угрозой, возобновили дипломатические контакты. Латинский алфавит в его румынском стандарте вновь был введен в МССР, и были признаны румынские неологизмы, что было равносильно молчаливому признанию идентичности молдавского и румынского языков. Лингвистов, создавших новый молдавский язык на основе провинциализма и неологизмов, обвиняли в национализме и увольняли с работы. В частности, грамматика Л. Мадана (1929 г.) обвинялась в создании «искусственных» слов, которые запутали и заморозили молдавский язык [Diaconescu 1942: 218, цит. по: Deletant 1990: 193]. Эта удивительная про-румынская ориентация просуществовала всего 5 лет, так как в 1938 г. снова была официально принята кириллица. На этот раз грамматика Л. Мадана вновь подвергалась критике, но по противоположным причинам: «противодействие дружбе и сотрудничеству между молдавским народом и русским и украинским народами» [Там же]. Лингвистов и грамматистов — пропагандистов этой политики открытости, обвиняемых во враждебной народу «романизации» молдавского языка, снимали с занимаемых должностей, заключали в тюрьму, а иногда и расстреливали. Выжившим поручили задачу избавления молдавского языка от «иностранных элементов», румынских слов, заимствованных из французского, непонятных для молдавского народа, введенных врагами народа. От специалистов требовалось создавать новые слова, связанные со строительством социа-

лизма, на основе русского и украинского языков — языков братских народов¹.

Дискурс о языке в СССР в сталинскую эпоху должен был отвечать двум противоречивым требованиям, которые подрывали любые попытки рационального решения языкового вопроса и ставили под угрозу любую инициативу со стороны профессиональных лингвистов, которые были вынуждены применять «национальную политику» партии. Необходимо было установить молдавскую (антирумынскую) идентичность, не позволяя ей утвердиться в качестве антироссийской. Таким образом, «румынских пуристов» одновременно обвиняли в космополитизме:

«В 20-х и 30-х годах (то в силу прожектерских новшеств, то в силу враждебных целей буржуазных националистов выдумать новый язык, его термины, создать ничем не обоснованные новые орфографии, в порядке марровской пролеткультовской вредной тенденции, то в силу чуждых космополитических целей буржуазных румыно-боярских националистов пришить молдавскому языку орфографию западно-европейских языков в латинском одеянии), наблюдались частые, никому ненужные смены систем в молдавской орфографии» [Чебан 1951: 17—18].

«В 20-х годах местные буржуазные националисты пытались посредством надуманных многочисленных терминов, искажения орфографии, засорения языка в целом малоупотребительными, местными, архаическими и другими словами создать путаницу в языке. В 30-х же годах румыно-боярские буржуазные националисты, введя латинский алфавит, многочисленные иностранные западноевропейские салонные слова и выражения, иностранные термины и слова без надобности, противопоставляя орфографию общенациональному произношению, старались засорить язык непонятными словами. Все эти пролеткультовские и марровские намерения были тщетными, так как народ их не поддерживал. Все эти „новшества“ загаживали язык, но так как они были в малом количестве, то не коснулись главного — грамматического строя и основного словарного фонда, которые остались неизблемыми» [Там же: 11—12].

Эти диатрибы, ссылаясь на марксизм, основывались, как бы ни оправдывались их авторы, на натуралистической риторике, в которой молдавский язык наделялся способностью сопротивляться:

¹ Предисловие к *Cuvintelnic ortografic moldovenesc* [Молдавский орфографический словарь], Тирасполь, 1939 [Цит. по: Bruchis 1982: 61].

«Натуралистическое фотографирование орфографии молдавского языка местными националистами, звуковые „новшества“ румыно-боярских буржуазных националистов — задевало только внешнюю оболочку языка, его фонетику. Что касается лексики молдавского языка, то был задет частично лишь словарный состав, который не является основой языка и который „...находится в состоянии почти непрерывного изменения“ [Чебан 1951: 18].

Алфавит

Здесь следует остановиться на вопросе об алфавите, точнее, о графической основе молдавского языка.

В «тезисе», принятом Центральным комитетом Коммунистической партии Молдовы, Президиумом Верховного Совета и Советом министров республики в ноябре 1988 г., говорилось, что «молдавский и румынский языки являются языками одной романской группы; [...] Существует национальная традиция использования кириллицы, [...] которая полностью соответствует фонетической специфике молдавского языка». Это вызвало возмущение румынофильской части национальной интеллигенции, но также многих граждан.

В 1988—1989 г. Молдавский народный фронт и Союз писателей потребовали расширения социальных функций румынского языка, а также перехода с кириллицы на латинский алфавит как «более подходящий для романского языка» [Bruchis 1996: 34]¹.

Таким образом, и в той, и в другой позиции общей темой была «лучшая адаптация» одного из двух алфавитов к языку. Но здесь снова место аргументированных доводов заняли громогласные и безапелляционные утверждения.

А. Борщ, бывший заведующий кафедрой молдавского языка Кишиневского университета, мог, таким образом, написать: а) «Молдаване до сих пор без перерыва использовали кириллицу», б) «Кириллица может с максимально возможной точностью пере-

дать все богатство молдавского языка и специфику его фонетической системы» [Народное образование, Кишинёв, 13.08.88; цит. по: Bruchis 1996: 36].

В августе 1989 г., когда принцип языкового различия между молдавским и румынскими языками начал открыто осуждаться, первый секретарь КП Молдавии С. Гроссу снова заявил, что эти два языка полностью различны и что латинский алфавит «не может передать устный язык».

Рискуя оказаться политически некорректным, можно сказать, что кириллица хорошо передает морфологию румынского языка, причем мягкий знак «ь» обозначает смягчение согласных в конце слов:

• *Иванович/Ivanovič* транслитерируется как *Ivanovici* (4 слога, а не 5!),

луп / лупь — {lup-ø} / {lup'-ø}, —

• в то время как латинский алфавит переносит противопоставление единственного и множественного чисел существительных на гласную графему:

луп / лупи — {lup-ø} / {lup-i}

Напротив, с этимологической точки зрения именно латинский алфавит сохраняет прозрачность морфематической композиции, стертой кириллицей. Эта проблема выбора между двумя принципами является классической для большинства случаев изменения алфавита в Восточной Европе.

3.2. Марр, Сталин и молдавский язык

20 июня 1950 г. произошло крупное событие в советском языкознании: в большой статье, опубликованной в «Правде», И. В. Сталин разрушил то, что было обязательной догмой принципов марризма². Последствия для молдавского языка были значительными. Однако и марристы, и сталинисты-лингвисты придерживались двух общих постулатов: 1) молдавский язык не румынский; 2) язык обладает содержанием.

Подобно тому, как еретическое богословие известно практически только через протоколы Инквизиции, марристский подход к молдавскому языку часто известен только через бесчисленные «критические замечания», резко отрицательные и исполненные ненависти отчеты, которые составляли его противники или новообращенные после вмешательства Ста-

¹ Закон о возврате молдавскому языку латинской графики (*Lege cu privire la revenirea limbii moldovenești la grafia latină*) (№ 3462 от 31 авг. 1989 г.): «Перевод молдавского языка — романского по происхождению и структуре на латинскую графику основан на признанном наукой более точном соответствии латинского алфавита его фонетике и грамматике, учитывает предложения граждан республики и призван способствовать устранению деформаций в языке, сложившихся в силу ряда объективных и субъективных причин, повышению языковой культуры молдавского народа, роли научных, морально-этических, культурных, психолого-дидактических и социальных факторов в развитии молдавского языка».

² Было задано много вопросов относительно настоящего автора этого текста. Теперь доказано, что он был написан именно Иосифом Сталиным. Это стало известно из исследования историка Б. Илизарова, который работал в личном архиве Сталина и изучал различные черновики этого текста, написанные в результате встречи с лингвистами В. Виноградовым и А. Чикобавой. См.: [Илизаров 2012].

лина в языкознание. То, что можно реконструировать из вклада марристов в вопрос о молдавском языке, кратко резюмируется в этих двух взаимно противоположных положениях:

1. Сходство между языками происходит не от общего предка, а от «единого глоттогонического процесса», который заставляет языки развиваться внезапными скачками в единообразной и четко определенной типологической последовательности в соответствии с изменениями в общественно-экономическом базисе. Таким образом, язык является надстройкой, и у молдавского и румынского языков нет общего предка.

2. Языки развиваются путем гибридации (скрещення) благодаря контактам, а не путем расхождения от общего праязыка. Таким образом, молдавский язык является либо гибридным романо-славянским языком, либо полностью славянским языком.

Опровержение Сталиным второго пункта вызывает определенные трудности для молдавского языка. Действительно, одна из задач Сталина заключается в том, чтобы утвердить превосходство русского языка в его контактах с другими языками:

«Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает» [Сталин 1950: 60].

«Так было, например, с русским языком, с которым скрещивались в ходе исторического развития языки ряда других народов и который выходил всегда победителем» [Там же: 71].

Но если из контактов с другими языками русский язык «всегда выходил победителем», то как можно было объяснить, что именно молдавский язык, как бы сильно он ни находился «под влиянием русского», остался идентичным самому себе и русский при этом не «отмирал»? Сталин, несомненно, не предвидел этого возражения, но сложность в балансировании для советских лингвистов, пишущих о молдавском языке, отныне заключалась в необходимости занятия одновременно двух противоположных позиций. При этом они должны были утверждать, что они в точности следуют тексту Сталина во имя внедрения марксизма в языкознание. Здесь вступало в действие пред-

полагаемое различие между *гибридизацией* и *влиянием* (всегда оцениваемым как «плодотворное и обогащающее»)¹: последнее не бросало вызов «внутренним законам развития». Поскольку язык не является надстройкой, его ядро остается неизменным в процессе развития. Это позволяло утвердить «устойчивость молдавского языка и его сопротивление всем насильственным попыткам ассимиляции» [Чебан 1951: 10], а также подчеркнуть, что тесный контакт с восточными славянскими языками прекрасно вписывается в его внутреннюю специфику:

«Необходимо [...] обратить внимание на специфичность, самобытность и внутренние законы развития молдавского языка, подчеркнуть особенности и характер молдавского языка и сочетание в нем романского и славянского элементов. Необходимо очистить все наносное, несвойственное внутренним законам молдавского языка» [Чебан 1951: 15].

Формула «а, но не-а» идет вразрез с основами сталинской догмы, но при этом не особо на нее указывает — молдавский язык не гибриден с русским, но демонстрирует сильное влияние русского языка:

«Устойчивость грамматического строя (морфология) молдавского языка [...] не исключает внешнего влияния, то есть не предполагает его непроницаемость. Так, например, в романскую систему молдавского глагола проникли черты славянского происхождения» [Вартичан 1951: 49—50].

«Говоря об устойчивости грамматического строя и о том, что строй — в данном случае молдавского языка — является романским, нам хотелось бы в заключение подчеркнуть, что это ни в коем случае не предполагает, скажем, того, что раз строй романский, значит и совершенствоваться и обогащаться молдавский язык может только или преимущественно за счет романских языковых фактов. В этом вопросе не может быть двух мнений. Язык молдавской социалистической нации, его кристаллическую чистоту надо беречь как зеницу ока от всяких чуждых влияний и наслоений. Обогащаться и усиливаться молдавский язык может и должен за счет влияния языка самого передового народа, а таким народом является великий русский народ советской эпохи. Русские языковые элементы делают языки народов Советского Союза, равно как и язык молдавского народа, более сильными, выразительными и богатыми» [Там же: 51].

¹ «Русский язык явился для молдавского, как и для других языков Советского Союза, животворным источником пополнения и создания слов, необходимых новому, социалистическому обществу» [Михальчи 1953: 61].

Двойственность постоянно присутствует в дискурсе советских лингвистов, пытающихся применить сталинские предписания к ситуации в Молдове. Эти принципы утверждают, что язык устойчив, но в то же время постоянно меняется. Многочисленные цитаты из текста «корифея науки», таким образом, позволяют им занимать двусмысленные позиции, поддерживаемые настолько расплывчатыми принципами, что их можно перетолковывать как угодно:

При контакте не получается третьего языка. Происходит не смешение, а лишь оседание некоторых элементов, и притом не на основных для языка-победителя участках [Шишмарев 1952: 84].

Но:

«В отличие от надстройки, которая связана с производством не прямо, а через посредство экономики, — учит И. В. Сталин, — язык непосредственно связан с производственной деятельностью человека так же, как и со всякой иной деятельностью во всех без исключения сферах его работы» (Сталин, 1950, с. 24). [...] Поэтому словарный состав языка, как наиболее чувствительный, находится в состоянии почти непрерывного изменения. [...] „Развитие торговли, еще более нуждавшейся в упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы — все это внесло большие изменения в развитие языка“ (Сталин, там же., с. 26) [...] [Чебан 1951: 9–10].

Это натуралистическое отрицание гибридации языков имеет удивительные последствия для статуса молдавского языка. Действительно, марристская позиция: «Молдавский — это романо-славянский гибридный язык» или даже «Молдавский стал славянским языком» — очень хорошо соответствовала ирредентистскому дискурсу МССАР в 1930-е годы.

По логике этноязыкового определения нации жители Закарпатья и Галиции, говорившие на восточнославянском языке, должны были «реинтегрироваться» в советскую территорию (даже если они никогда не были российскими подданными). По той же логике, Бессарабия (или вся Молдавия, включая правый берег Прута?) должна была «вернуться» в Советский Союз, поскольку молдавский язык являлся романо-славянским гибридом или прямо славянским языком.

Однако значительная часть антимарристского пафоса 1950-х гг. была связана именно с отказом от гибридации. При этом русский язык на этот раз уже не мог «оставаться победителем», поскольку молдавский язык по своему основному лексическому

фонду и грамматике оставался полностью романским. Тогда потребовалась добрая доля изощренной риторики, чтобы «установить», что, если нет молдавско-русской гибридации, то наблюдается преобладающее влияние русского языка на молдавский. Разница между гибридацией и влиянием значительна, она укладывается в натуралистические и имманентные тенденции сталинской лингвистики.

Так, в статье в престижном журнале «Известия Академии наук» молдавский лингвист Д. Михальчи (Mihalci) ссылался на известную цитату Сталина: «...при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития», чтобы «установить», что молдавский обладает основным словарным фондом и, следовательно, не может быть гибридным языком [Михальчи 1951: 295]. В этом и проявляется принципиальное расхождение с позициями марристов:

«И. Д. Чебан, утверждая, что молдавский язык — славянский и что процесс скрещивания продолжается, высказывал сомнения, что молдавский язык романского происхождения, приписывая последнее мнение „буржуазным источникам“» [Там же: 295].

Здесь понятна сложность, которую приходилось преодолевать лингвистам, вынужденным применять рассуждения Сталина к молдавско-русской паре: если «русский всегда выходил победителем», но молдавский язык не стал славянским языком и не подлежит вымиранию, значит, «победителем выходил» именно он, а не русский язык. Смысл замены гибридации на влияние и состоит в том, чтобы показать, что молдавский не является гибридным языком, несмотря на многие заимствования из русского (так же как английский язык не является гибридным языком, потому что его грамматика и основной лексический состав — чисто англосаксонские (ср.: [Сталин 1950: 35–36])).

В общих чертах сталинская лингвистика — это возврат к классическим принципам младограмматиков. Однако в случае с молдавским языком она расходится с младограмматизмом в одном пункте: если нет конвергенции разных языков путем гибридации (марристская позиция), то также нет и дивергенции от общего предка.

Румынская позиция являлась унитарной: язык княжества Валахия и язык княжества Молдавия были двумя едва различимыми вариантами одного и того же языка, который назывался молдавско-валахским, а затем румынским во время воссоединения двух

княжеств в одно румынское государство, составленное из симбиоза этих двух вариантов. Советская позиция, наоборот, являлась сепаратистской: *то, что есть, было всегда*, с самого начала молдавский язык отличался от румынского (что противоречит задаче *построения* молдавского литературного языка). Отметим, что противники разделяли одну и ту же романтически-позитивистскую предпосылку: объекты познания *существуют до процесса исследования*, поэтому дискурсивная процедура будет состоять не в проверке гипотезы, а в выработке онтологических утверждений типа «х в действительности есть у, а не z». Поскольку в обоих случаях история языка была обязательно связана с историей народа, который на нем говорил, полемика была основана на утверждении о существовании определенного народа. Советская позиция состояла в том, что молдавский народ Молдавской советской республики *тот же*, что и народ Молдавского княжества XIV века. Таким образом, этническая принадлежность молдаван в Румынии становилась зоной молчания, так как в сталинском дискурсе не уточнялось: являются ли они *тем же народом*, что и молдаване в Бессарабии, и говорят ли оба народа на *одном и том же языке*? Отсюда родились споры о молдавских писателях до 1812 г., которых румынские и молдавские интеллектуалы МССР называли «своими», что с молдавской стороны означает «не их».

Текст Сталина допускал неподвижное, даже эссенциалистское, во всяком случае неэволюционистское решение проблемы «сущности молдавской специфики»: с одной стороны, присутствует существенная *преемственность* молдавского языка на протяжении всей истории, с другой — румыны и молдаване отличаются с самого начала своего существования, они не являются продуктом расхождения от общего предка, отсюда и многочисленные исследования об *этногенезе* молдавского народа, которыми мы не будем здесь заниматься. Румынский язык явился бы результатом эволюции валашского языка под влиянием болгарского, тогда как «литературный» молдавский язык Бессарабии был бы потомком письменного и разговорного молдавского языка Молдавского княжества, находящегося под влиянием восточнославянских языков (украинский и русский) [см.: Михальчи 1953]. Таким образом, молдавско-валашский язык никогда не существовал, что позволяло сохранить указанное ранее противоречие: если молдавский язык являлся продуктом нескольких эпох, оставаясь при этом «стабильным», то это происходило потому, что разделение

являлось изначальным¹. Однако трудности здесь не уменьшились, поскольку проблема статуса языка, на котором говорили в румынской Молдове, осталась нерешенной. Если молдаване в Румынии говорят на молдавском языке (в то время как их «литературный язык» — румынский, т. е. валашский), необходимо установить, что молдаване составляют *один народ, но две разные нации*. И здесь вступает в игру понятие «содержание языка»: молдавский язык Бессарабии является литературным языком (в отличие от молдавского языка в Румынии, который является только нестандартным наречием), но, кроме того, он имеет *содержание* социалистической нации в соответствии со сталинским принципом «(советских) языков, национальных по форме и социалистических по содержанию», провозглашенным на XVI съезде партии в 1930 г.:

«В области языка и литературы нашими неотложными задачами являются дальнейшее совершенствование орфографии и грамматики, обогащение литературного языка, очищение его от всяких чуждых ему буржуазных наслоений и влияний, разработка диалектологии и истории молдавского языка и литературы, определение литературного наследства» (отчет секретаря ЦК КП(б) Молдавии тов. Коваля, «Советская Молдавия». 7 февраля 1949 г., цит. по: [Михальчи 1953: 59]).

Эта одержимость спецификой, внутренней *самобытностью* нации, обоснованной ее языком, обязательно вызывает в памяти неогумбольдтианские теории, столь распространенные в Германии в 1930-е гг. и опровергающие универсализм эпохи Просвещения и идей Французской революции.

Геополитическая логика советского сталинского марксизма на самом деле основана на романтико-позитивистских теориях европейского XIX в. — территория народа, следовательно, законной нации, следовательно, государства находится там, где говорят на его языке:

¹ См. заявление М. В. Сергиевского, лингвиста-немарриста, от 1948. «Молдавский язык, как литературный язык, известный нам по письменным памятникам по крайней мере с XVI века, и еще задолго до этого являвшийся живым, разговорным языком населения самостоятельного молдавского государства, каковое положение он занимает ныне в Молдавской ССР, имеет свою особую историю, несмотря на свою большую близость к языку старого государства Валахии, ставшего после образования Румынии основой литературного и национального языка последней, может и должен быть изучен в своем историческом развитии как всякий другой язык романской языковой семьи» [Сергиевский 1948: 35].

«...что нашло, естественно, логическое отражение в известных исторических решениях партии и государственных актах советского правительства, а также в неоднократных речах вождей социалистического государства, вследствие чего были воссоединены земли молдавского народа в единое государство молдавской социалистической нации» [Вартичан 1951: 41].

Тогда возникла проблема, говорят ли молдаване в Румынии на том же языке, что и молдаване МССР. Разумеется, для советской стороны этот вопрос был деликатен, так как он был связан с потенциальными ирредентистскими претензиями на часть территории братского социалистического государства. Поэтому необходимо было одновременно утверждать, что молдавский язык с самого начала отличался от румынского языка (который сам по себе являлся стандартизацией валашского языка) и что молдавский язык в Молдавии был литературным языком определенной нации, в отличие от молдавского говора в Румынии, оставшегося в состоянии нестандартного диалекта, «перемальванием румынским национальным литературным языком» Борщ 1951: 131], в то время как ранее был литературным языком независимого до 1859 г. государства с классической литературой, «богаче валашской литературы» [Вартичан 1951: 41].

Сталинская лингвистика, романтико-позитивистская под именем марксизма-ленинизма, сочетала естественно-научный и административно-командный подходы. С одной стороны, язык обладает внутренними законами, с другой — его нужно совершенствовать. С одной стороны, надо учиться у народа, с другой — народ надо обучать. Ключевое понятие, чистое отрицание «сознательного вмешательства в язык», состоит в том, что процесс является «органическим», а не «механическим», то есть искусственным.

«Однако и [различий] достаточно, чтобы убедиться в том, что оба языка — и молдавский и румынский — развиваются по внутренним законам своего развития, законам, определяющим национальную самобытность и индивидуальность каждого из языков. Вскрыть эти законы — основная задача молдавской советской языковедческой науки и ее исследователей» [Вартичан 1951: 45].

«...[надо опираться], во-первых, на авторитет самого народа с его безыскусственным употреблением, во-вторых, авторитет писателей — представителей духовной и умственной жизни народа» [Чебан 1951: 34].

3.3. Позиция Р. О. Якобсона

Было бы неправильно ограничивать обсуждение проблем языка в межвоенной Вос-

точной Европе только рамками закрытой территории, находящейся за пределами внешнего мира. Советское языкознание в полной мере участвовало в главных направлениях мысли своего времени.

Можно быть выдающимся лингвистом, получившим всеобщее признание, и в то же время придерживаться господствующей идеологии своего времени. Якобсон, сотрудник советской дипломатической миссии в Праге до 1929 г., сложная фигура, не скрывал своих симпатий к имперской идее Советского Союза, которую он стремился представить как имеющую «естественную» природу и обосновать, опираясь на научные рассуждения¹.

Примерно в 1929—1931 гг. Якобсон искал идеальную границу, отделяющую «Евразию» от Европы. При этом он продолжал великую навязчивую идею русских интеллектуалов, существующую со времен Петра Великого — заботу об идентичности, заключающуюся в стремлении быть самим собой, подражая Другому.

Для Якобсона-фонолога различительный фонологический признак мягкости согласных, связанный с отсутствием политонии, характеризовал Евразию как территорию, образованную «языковым союзом» [см.: Sériot 1997a, 1997c, 1999 (ed. 1), 2012 (ed. 2)]. Поэтому он стремился любой ценой доказать этот тезис. В то время Якобсон-эмигрант уже не мог быть полевым исследователем, он работал с материалом, полученным из вторых рук, — с атласами и описаниями путешественников. Для интересующего нас «приграничного» региона он использовал два источника информации:

– G. Weigand. *Linguistischer Atlas des Dacorumanischen Sprachgebietes* (Leipzig, 1909);

– М. В. Сергиевский. *Материалы для изучения живых молдавских говоров на территории СССР // Ученые записки Института языка и литературы*. — Москва, 1927. I. С. 73—97.

Фонологическое кредо Якобсона ясно, он несколько раз излагал его на рубеже 1920—

¹ В «*Slavische Sprachfragen in der Sowjetunion*» (*Slavische Rundschau*, 1934, № 1, с. 324—343) он яростно протестует против «местного шовинизма» и «культурного сепаратизма» украинских и белорусских лингвистов [Там же: 334] и полностью поддерживает советскую языковую политику «сближения» этих двух языков с русским: «Был устранен ряд абсурдных орфографических уловок, единственной целью которых было создание искусственного разобщения [*Entfremdung*] между белорусской и русской письменностью» [Там же: 336].

1930-х гг., как на французском языке, в парижском журнале *Le Monde slave*:

«В романских языках нет явления мягкости, кроме молдавского, то есть восточного представителя румынской группы» [Jakobson 1931b: 373], —

так и на русском, в евразийских брошюрах:

«Всем без изъятия романским языкам Запада глубоко чуждо различие согласных по мягкости и твердости. [...] *Только румынская группа — крайний восточный языковой остров романского мира — знает мягкостную корреляцию согласных.* Восточную часть этого „острова“ занимает молдавский язык. Карпаты составляют западную границу молдавского языка, Молдавская советская республика — его восточную окраину (ср. Вейганд б 10 и карта N 65). Говорам Молдавской республики посвящена содержательная работа М. В. Сергиевского (б). Для молдавского языка характерно совмещение следующих признаков: 1. мягкие *s'*, *z'* в разнообразных положениях и 2. затворные среднеязычные согласные, восходящие к сочетаниям — *p*, *b* + *i* неслоговое (Вейганд б 12). В одних говорах, описанных Сергиевским (Рыбницкий район и др.), с этими затворными согласными, по-видимому, совпали подвергшиеся смягчению *t*, *d*. Автор говорит, что они „почти совпадают акустически“ и „в индивидуальном произношении могут, действительно, совпасть“ (87). Характерно, что крестьяне не различают в письме этих согласных вопреки принятой орфографии, и пишут, напр., май дини ар арди ... тогда как полагается этимологически писать ... бине ар арде ... и в то время как Сергиевский условно транскрибирует ... *g'in'i ar ard'i* ... (96). В этих же говорах *сь*, *ть*, *нь*, *рь* (*аись* = рум. *aici*, *зернь* = рум. *viermi*, *орь* = рум. *ori*); как эти согласные, так и *зь*, *дь*, *ль* могут сочетаться с фонемами *а*, *о*, *е*, *и*, а мягкие губные только с *е*, *и*» [Jakobson 1931a: 25–26].

Далее Jakobson высказал утверждение, содержащее, по его мнению, фундаментальные выводы:

«*Мягкостная корреляция, присущая молдавским говорам и молдавскому литературному языку, неизвестна румынскому литературному языку*¹. В каком точно районе румынской группы пролегает граница мягкостной корреляции, на это должен ответить тот специалист-румыновед, который в состоянии из пестроты разрозненных диалектологических показаний вычитать фоно-

логическую систематику румынских говоров. Но уже сейчас мы можем сказать, что в отношении мягкостной корреляции румынская группа составляет параллель чередой болгарских наречий: *в направлении с востока на запад эта корреляция сперва убывает, а далее вовсе отсутствует*²».

Эти заявления Jakobsona нуждаются в ряде комментариев, касающемся истории и эпистемологии языкознания, особенно в области фонологии.

Прежде всего отметим, что Jakobson никогда не задавался вопросом, имеет ли он дело с «литературным», нормализованным, стандартизированным языком или с диалектной системой. Он переходит от одного к другому и собирает данные двух разных порядков: фонетический континуум и фонологическую прерывистость, в то время как именно это различие лежит в основе его аргументов. Дальше, речь идет о совершенно ином типе мышления, чем у Соссюра: мы не находим здесь противопоставления между языком как объектом, созданным лингвистом, и языком как эмпирическим объектом, уже существовавшим как таковым раньше всякого исследования. С другой стороны, здесь нет ни одного противопоставления минимальных пар, которое бы различало молдавский и румынский языки.

«Великий Jakobson», увлеченный своими просоветскими политическими симпатиями, путает фонологию и фонетику... В самом деле, большинство его утверждений касается фонетики, а не фонологии:

Молдавская система гласных очень похожа на систему русского литературного языка... [Jakobson 1931b: 26].

Двадцать лет спустя сталинские лингвисты последовали его примеру, говоря:

«...мы ясно видим две самостоятельные, ярко выраженные языковые области — молдавскую и валашскую — каждая со своими фонетико-морфологическими и лексико-семантическими особенностями, как то: в области фонетической системы — явление палатализации зубно-губных и губно-зубных перед гласными переднего ряда»³ [Вартичан 1951: 43].

Тем не менее дискуссия о мягкости в это время не приводила к единогласию, поскольку здесь снова возникла проблема языкового континуума по обе стороны границы на Пруте: Михальчи критиковал Чебана за то, что мягкость согласных в молдав-

² Курсив Jakobsona.

³ Вартичан работал с диалектным атласом, опубликованным в Румынии в 1942 г. Здесь речь идет об общих чертах диалекта молдавского языка Бессарабии и правобережья Прута.

¹ Курсив мой. — P. S.

ском языке тот противопоставлял нормам произношения румынского языка, «забывая в то же время о сходном произношении в обширной области современной Румынской Народной Республики — Запрутской Молдавии» [Михальчи 1953: 59].

Якобсон оказался в центре клубка неразрешимых противоречий, отчасти объяснимых новизной зарождающейся фонологической науки, но, и без сомнения, прежде всего главной идеологической и политической задачей, разделяемой интеллигенцией-эмигрантами — участниками евразийского движения: положить в основу представлений о государстве научное знание, обосновать политическую границу естественными данными. Именно в этом смысле антипозитивистская научная новизна, заявленная Якобсоном и Трубецким, оказалась в трагическом противоречии с натуралистическим мышлением, унаследованным от XIX в., с эпохи позитивизма и сциентизма, когда считалось, что языки и народы являются естественными объектами, так же, как растения, русла рек или горные хребты.

В попытке доказать и обосновать свои положения Якобсон и Трубецкой оказались втянутыми в паутину противоречий, из которой они больше не могли выйти. Желая совместить лингвистические и государственные границы, они создали причудливые конструкции, которые нигде не существовали, кроме как в их воображении. Они разделяли и группировали сообщества по языку, алфавиту, религии, игнорируя исторические и политические общности. Они хотели рассматривать человеческие, а следовательно, социальные сообщества как естественные объекты. В своем поиске естественных границ они упускали из виду, что речь идет о людях, а не о вещах, только запутав и без того сложную ситуацию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С онтологической точки зрения вопрос «Что стоит за названием 'молдавский язык'» не имеет смысла, до тех пор пока не выяснится, как строится в качестве объекта познания денотат имени «язык». Родной язык, этнический язык, официальный язык, литературный язык, язык писателей, государственный язык, разговорный язык, язык народа — все это дискурсивные конструкции, которые перед использованием требуют точного определения. В данном случае «молдавский язык» действительно представляет собой сущность с изменяемой геометрией, пластичность которой допускает самые разнообразные и противоречивые аргументы, основанные на трех различных принципах:

а) существуют народы, и каждый народ является «носителем» определенного языка (и именно потому, что он является носителем определенного языка, он и есть народ),

б) чтобы построить литературный язык, интеллигенция (писатели, поэты, языковеды) должна опираться на язык народа,

в) для строительства литературного языка интеллигенция (писатели, поэты, языковеды) должна обучать народ говорить на правильном языке.

Первый принцип — позитивистский, второй — романтический, третий можно назвать административно-командным. Это сосуществование трех принципов в языковых дискуссиях в Восточной Европе имеет все признаки порочного круга, в котором причина и следствие постоянно занимают место друг друга.

Поэтому невозможно ответить на вопрос, поставленный в названии этой статьи: сама формулировка ставит его вне всякой истинностной ценности. В этом суть этого безумного дискурса: никто не может сказать, начиная с какого порога (с какого количества слов) два языка должны быть объявлены разными. Как отличить тождественное от различного?

Однако функционирование этого *дискурса о языке* высвечивает эпистемологические проблемы, которые непосредственно касаются лингвистики: если языки не являются исчисляемыми объектами, то как мы можем объяснить этот скользкий объект, который постоянно находится за пределами понимания? Только стандартизованные, «грамматизированные» языки (согласно термину С. Ору, 2000 г.) могут быть описаны как закрытые множества.

Молдавский язык, действительно «существующий» в умах тех, кто его так называет, является принципом утверждения идентичности, не столько средством общения, сколько критерием общности. Но в то же время он является и средством не-общения, стремящимся быть непонятым со стороны того, от кого хотят отличаться любой ценой, чтобы быть самими собой.

Таким образом, Молдова — это не *исключительное явление*, а крайний случай обыкновенной ситуации в Восточной Европе, где языковой вопрос, апеллирующий к науке, является одним из аспектов, и весьма важным, политики гегемонии и неразрешимых территориальных споров, унаследованных от образа мышления, восходящего к XIX веку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернштейн, С. Б. Предисловие / С. Б. Бернштейн. — Текст : непосредственный // Грамматика румынского языка / Й. Йордан. — Москва : Издательство иностранной литературы, 1950.

2. Борщ, А. Т. Краткие очерки истории молдавского языка (Проект работы) / А. Т. Борщ. — Текст : непосредственный // Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина / Молдавский филиал АН СССР, Институт истории, языка и литературы. — Кишинев : Государственное издательство министерства просвещения молдавской ССР «Шкоала советик», 1951. — С. 121—142.
3. Будагов, Р. А. Молдавский язык среди романских языков (К постановке вопроса) / Р. А. Будагов. — Текст : непосредственный // Вопросы молдавского языкознания / ред. В. Шишмарев, В. П. Сухотин, Д. Е. Михальчи. — Москва : Академия наук СССР, 1953. — С. 121—134.
4. Будагов, Р. А. Близкородственные языки и некоторые особенности их изучения / Р. А. Будагов. — Текст : непосредственный // Типология сходств и различий близкородственных языков. — Кишинев : Штиинца, 1976. — С. 3—8.
5. Вартичан, И. К. К вопросу о грамматическом строе молдавского языка в свете учения И. В. Сталина о языке / И. К. Вартичан. — Текст : электронный // Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина. — Кишинев : Шкоала советик, 1951. — С. 36—51. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Vartician51.html>.
6. Виноградов, В. В. Основные задачи советской науки о языке в свете работ И. В. Сталина по языкознанию / В. В. Виноградов. — Текст : непосредственный // Вопросы молдавского языкознания / ред. Владимир Шишмарев, В. П. Сухотин, Д. Е. Михальчи. — Москва : Издательство Академии наук, 1953. — С. 5—33.
7. Гранде, Б. М. Языковое строительство молдавской АССР / Б. М. Гранде. — Текст : электронный // Революция и письменность. — Москва, 1936. — № 2. — С. 177—179. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Grande36b.html>.
8. Илизаров, Б. С. Почетный академик Сталин и академик Марр / Б. С. Илизаров. — Москва : Вече, 2012. — Текст : непосредственный.
9. Киор, П. (Chior). Предисловие / П. Киор. — Текст : электронный // Грамматика лимбий молдовенешть / Л. Мадан. — Тирашполя : ЕСМ, 1929. — С. III—X. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Chior29.html>.
10. Мадан, Л. А. Грамматика лимбий молдовенешть / Л. А. Мадан. — Тирашполя : ЕСМ, 1929. — Текст : непосредственный.
11. Марр, Н. Я. Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике (1926) / Н. Я. Марр. — Текст : непосредственный. — Чебоксары : Чувашский госиздат. — Переизд. в: Избранные работы / Н. Я. Марр. — Москва ; Ленинград : Государственное социально-экономическое издательство, 1935. — Т. V. — С. 310—322.
12. Марр, Н. Я. Избранные работы. Т. V. Этно- и глоттогония Восточной Европы / Н. Я. Марр. — Москва ; Ленинград : Государственное социально-экономическое издательство, 1935. — Текст : непосредственный.
13. Михальчи, Д. Е. Некоторые задачи молдавского языкознания в свете трудов И. В. Сталина / Д. Е. Михальчи. — Текст : непосредственный // Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка. — 1951. — № 3. — С. 294—298.
14. Михальчи, Д. Е. Задачи молдавского языкознания / Д. Е. Михальчи. — Текст : непосредственный // Вопросы молдавского языкознания / ред. В. Ф. Шишмарев [и др.]. — Москва : ФН СССР, 1953. — С. 53—72.
15. Ору, Сильвен (Augoux Sylvain). История. Эпистемология. Язык / Ору Сильвен. — Москва : Прогресс, 2000. — Текст : непосредственный.
16. Пиотровский, Р. Г. Сборник «Вопросы молдавского языка в свете трудов И. М. Сталина»: рецензия / Р. Г. Пиотровский. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1952. — № 1. — С. 149—154.
17. Пиотровский, Р. Г. Славяно-молдавские языковые отношения и вопросы национальной специфики молдавского языка / Р. Г. Пиотровский. — Текст : непосредственный // Вопросы молдавского языкознания / ред. В. Шишмарев, В. П. Сухотин, Д. Е. Михальчи. — Москва : Академия наук СССР, 1953. — С. 135—149.
18. Сергиевский, М. В. Материалы для изучения живых молдавских говоров на территории СССР / М. В. Сергиевский. — Текст : непосредственный // Ученые записки Института языка и литературы. — Москва, 1927. — Т. I. — С. 73—97.
19. Сергиевский, М. В. Молдавские этюды / М. В. Сергиевский. — Текст : непосредственный // Труды Московского института истории, философии и литературы. — Москва, 1939. — Т. V. — С. 175—210.
20. Сергиевский, М. В. Топонимия Бессарабии и ее свидетельство о процессе заселения территории / М. В. Сергиевский. — Текст : электронный // Известия Академии наук, Отделение литературы и языка. — 1946. — № 4. — С. 333—350. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Sergievskij46.html>.
21. Сергиевский, М. В. Проблема происхождения и развития молдавского языка в свете языкознания / М. В. Сергиевский. — Текст : непосредственный // Ученые записки Института истории, языка и литературы молдавской научно-исследовательской базы Академии наук СССР. — Кишинев, 1948. — Т. 1.
22. Серебренников, Б. А. Проблемы сравнительно-исторического изучения языков и вопросы молдавского языкознания / Б. А. Серебренников. — Текст : непосредственный // Вопросы молдавского языкознания / ред. В. Шишмарев, В. П. Сухотин, Д. Е. Михальчи. — Москва : Академия наук СССР, 1953. — С. 34—53.
23. Сталин, И. В. Марксизм и национальный вопрос (1913) / И. В. Сталин. — Текст : непосредственный. — Опул. под названием: Национальный вопрос и социал-демократия // Просвещение. — 1913. — № 3, 4, 5 4; переизд. под названием: Национальный вопрос и марксизм. — Санкт-Петербург : Прибой, 1914.
24. Сталин, И. В. Марксизм и вопросы языкознания / И. В. Сталин. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1950. — Текст : непосредственный.
25. Чебан, И. Насущные вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина / И. Чебан. — Текст : электронный // Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина. — Кишинев : Шкоала советик, 1951. — С. 5—35. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Ceban-51.html>.
26. Шишмарев, В. Ф. Романские языки Юго-Восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР / В. Ф. Шишмарев. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1952. — № 1. — С. 80—106.
27. Шишмарев, В. Ф. Романские языки Юго-Восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР / В. Ф. Шишмарев. — Текст : непосредственный // Вопросы молдавского языкознания / ред. Владимир Шишмарев, В. П. Сухотин, Д. Е. Михальчи. — Москва : Издательство Академии наук, 1953. — С. 73—120.
28. Якобсон, Р. О. К характеристике евразийского языкового союза / Р. О. Якобсон. — Париж : Издательство евразийцев, 1931а. — Текст : непосредственный.
29. Bellet, Marc de. La Moldova : un nouvel État face à ses minorités et à ses voisins / Marc de Bellet. — Text : unmediated // Nationalismes en Europe centrale et orientale : conflits ou nouvelles cohabitations ? / dans M. Aligisakis et alii (dir.). — Genève : Institut européen, Georg édit, 1997. — P. 87—117.
30. Bernaz, Oleg. Identité nationale et politique de la langue. Une analyse foucaldienne du cas moldave / Oleg Bernaz. — Bern : Peter Lang, 2016. — Text : unmediated.
31. Bochmann, Klaus. Quand les minorités mettent en question la stabilité de l'État. Le cas de la république de Moldavie / Klaus Bochmann. — Text : unmediated // La Gestion des minorités linguistiques dans l'Europe du XXIème siècle / Carmen Alén Garabato. — Limoges : Lambert-Lucas, 2013. — P. 25—33.
32. Bogdan, I. Istoriografia română și problemele ei actuale / I. Bogdan. — București, 1905. — (Acad. Rom., Discurs ; XXVII). — Text : unmediated.
33. Bruchis, Michael. One Step back, Two Steps Forward : on the Language Policy of the Communist Party of the Soviet Union in the National Republics / Michael Bruchis. — Boulder (CO) : East European Monographs, 1982. — Text : unmediated.
34. Bruchis, Michael. The Republic of Moldavia. From the collapse of the Soviet Empire to the Restoration of the Russian Empire / Michael Bruchis. — New York : Columbia Univ. Press, 1996. — Text : unmediated.
35. Caratini, Roger. Dictionnaire des nationalités et des minorités de l'ex-URSS / Roger Caratini. — Paris : Larousse, 1992. — Text : unmediated.

36. Cazacu, Matei. La République de Moldavie / Matei Cazacu, Nicolas Trifon. — Paris : Editions Non-lieu, 2010. — Text : unmediated.
37. Cinclai, Grigore. Les notions de langue et nation roumaines à l'Est du Prout / Grigore Cinclai. — Text : unmediated // Cahiers de l'ILSL (Lausanne) / red. Patrick Sériot. — 1996. — N. 8 : Langue et nation en Europe centrale et orientale du XVIIIème siècle à nos jours. — P. 75—92.
38. Coșeriu, Eugen. Identitatea limbii și poporului român / Eugen Coșeriu. — Text : unmediated // Limba română. — 2002. — N 10. — P. 2—3.
39. Damian, Angela. Qui sommes-nous ? De l'identité collective à la construction nationale / Angela Damian. — Text : unmediated // Moldavie : repères et perspectives / Catherine Durandin et Irina Gridan. — Paris : L'Harmattan, 2017.
40. Deletant, Denis. Language Policy and Linguistic Trends in Soviet Moldavia / Denis Deletant. — Text : unmediated // Language Planning in the Soviet Union / Kirkwood Michael (ed.). — London : Macmillan, 1989.
41. Diaconescu, E. Români din Răsărit [Восточные румыны] / E. Diaconescu. — Iași : Transnistria, 1942.
42. Dressler, Wanda (red.). Le Second Printemps des nations / Wanda Dressler. — Bruxelles : Bruylant, 1999. — Text : unmediated.
43. Drweski, Bruno. L'espace Baltique — Mer noire / Bruno Drweski. — Text : unmediated // Strates. — 2006. — N. 12. — P. 157—176.
44. Durandin, Catherine. Moldavie : repères et perspectives / Catherine Durandin, Irina Gridan. — Paris : L'Harmattan, 2017. — Text : unmediated.
45. Dyer, Donald L. The Making of the Moldavian Language / Donald L. Dyer. — Text : unmediated // Studies in Moldovan: The History, Culture, Language and Contemporary Politics of the People of Moldova. — Boulder (CO) : East European Monographs, 1996. — P. 89—108.
46. Dyer, Donald L. Some Influences of Russian on the Romanian of Moldova During the Soviet Period / Donald L. Dyer. — Text : unmediated // Slavic and East European Journal. — 1999. — Vol. 43. — N. 1. — P. 85—98.
47. Frege, Gottlob. Über Sinn und Bedeutung / Gottlob Frege. — Text : unmediated // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. — 1892. — N. 100. — S. 25—50.
48. Gadet, Françoise, Jakobson entre l'Est et l'Ouest, 1915-1939 / Gadet Françoise et Sériot Patrick (éds.). — Lausanne, 1997. — (Cahiers de l'ILSL ; n 9). — Text : unmediated.
49. Glyn, Lewis E. Multilingualism in the Soviet Union / Lewis E. Glyn. — The Hague : Mouton, 1972. — Text : unmediated.
50. Grenoble, Lenore. Language Policy in the Soviet Union / Lenore Grenoble. — Dordecht : Kluwer, 2003. — Text : unmediated.
51. Jakobson, Roman. Les unions phonologiques de langues / Roman Jakobson. — Text : unmediated // Le Monde slave. — 1931b. — N. 1. — P. 371—378.
52. Jakobson, Roman. Slavische Sprachfragen in der Sowjetunion / Roman Jakobson. — Text : electronic // Slavische Rundschau. — 1934. — N. 1. — S. 324—343. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Jakobson34.html>.
53. Jakobson, Roman. Sur la théorie des affinités phonologiques entre les langues (1938) / Roman Jakobson. — Text : unmediated // dans Actes du IVe congrès international de linguistes (Copenhague, 1936). — Quoted from Selected Writings / R. Jakobson. — The Hague : Mouton, 1971. — Vol. I. — P. 234—246.
54. Jakobson, Roman. Selected Writings. I / Roman Jakobson. — The Hague : Mouton, 1971. — Text : unmediated.
55. Kamusella, Tomasz. Creating Languages in Central Europe during the Last Millenium / Tomasz Kamusella. — New York : Palgrave Macmillan, 2015. — Text : unmediated.
56. Kazazis, Kostas. How Non-Rumanian Is 'Moldavian' ? / Kostas Kazazis. — Text : unmediated // Papers from the Second Conference on the Non-Slavic Languages of the USSR. *Folia Slavica*. — Columbus (OH) : Slavica, 1982. — Vol. 5, N 1—3. — P. 224—229.
57. King, Charles. Moldovan Identity and the Politics of Pan-Romanianism / Charles King. — Text : unmediated // Slavic Review. — 1994. — Vol. 53, n° 2. — P. 345—368.
58. King, Charles. La Construction de la nation moldave / Charles King. — Oxford : Oxford University Press, 1995. — Text : unmediated.
59. King, Charles. Politique panroumaine et identité moldove / Charles King. — Balkanologie, 1997. — Vol. I. — N. 1. — URL: <https://journals.openedition.org/balkanologie/195>. — Text : electronic.
60. King, Charles. The Ambivalence of Authenticity, or How the Moldovan Language Was Made / Charles King. — Text : unmediated // Slavic Review. — 1999. — Vol. 58. — N. 1. — P. 117—142.
61. Kirkwood, Michael (ed.). Language Planning in the Soviet Union / Michael Kirkwood. — London : Macmillan, 1990. — Text : unmediated.
62. Kleß, Arnold. Rumänisch und moldaunisch / Arnold Kleß. — Text : unmediated // Osteuropa. — 1995. — Vol. V, fasc. 4. — P. 281—284.
63. Lența, Anatol. L'invention de la langue moldave à l'époque soviétique / Anatol Lența. — Text : unmediated // Le discours sur la langue sous les pouvoirs autoritaires / Patrick Sériot et Andrée Tabouret-Keller (éds.). — 2004. — P. 115—134. — (Cahiers de l'ILSL ; N. 17).
64. Martonne, Emmanuel de. *Choses vues en Bessarabie / Emmanuel de Martonne*. — Text : electronic // La Revue de Paris. — 1919. — T. V, sept.-oct. — P. 499—534. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Martonne19.html>.
65. Mullen, James. Is There a Moldavian language? / James Mullen. — Text : unmediated // Irish Slavonic Studies. — 1989. — N. 10. — P. 47—62.
66. Quinet, Edgard. Œuvres complètes : Les Roumains. — Paris : Germer-Baillièvre, 1856. — Text : unmediated.
67. Saussure, Ferdinand de. Cours de linguistique générale / Ferdinand de Saussure. — Paris : Payot, 1979. — (2e éd., 1916).
68. Sériot, Patrick. L'un et le multiple : l'objet-langue dans la politique linguistique soviétique / Patrick Sériot. — Text : electronic // États de langue (Encyclopédie Diderot). — Paris : Fayard, 1986. — P. 118—157. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/86.DID.html>.
69. Sériot, Patrick. Rome, Byzance et la politique de la langue en URSS / Patrick Sériot. — Text : electronic // Cahiers du Monde russe et soviétique. — 1988. — T. XXIX. — N. 3-4, juillet-décembre. — P. 567—574. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/88RomByz.html>.
70. Sériot, Patrick. Linguistique nationale ou linguistique nationaliste / Patrick Sériot. — Text : electronic // La Question russe. Essais sur le nationalisme russe / Michel Niqueux (éd.). — Paris : éditions Universitaires, 1992. — P. 115—130. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/92ling%20nat.pdf>.
71. Sériot, Patrick. Nations et nationalités en U.R.S.S./C.E.I. / Patrick Sériot. — Text : electronic // Dictionnaire international du fédéralisme / dans François Saint-Ouen (dir.). — Bruxelles : Bruylant, 1994. — P. 413—416. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/94Federalisme.html>.
72. Sériot, Patrick. Des éléments systémiques qui sautent les barrières des systèmes / Patrick Sériot. — Text : electronic // Jakobson entre l'Est et l'Ouest, 1915-1939 / Françoise Gadet et Patrick Sériot (éds.). — Lausanne, 1997a. — P. 213—236. — (Cahiers de l'ILSL ; N. 9). — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/97JAK/97Jakart.html>.
73. Sériot, Patrick. Faut-il que les langues aient un nom? Le cas du macédonien / Patrick Sériot. — Text : electronic // Le nom des langues. Les enjeux de la nomination des langues / dans Andrée Tabouret-Keller (dir.). — Louvain : Peeters, 1997b. — P. 167—190. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/97maced TK.html>.
74. Sériot, Patrick. Ethnos et demos : la construction discursive de l'identité collective / Patrick Sériot. — Text : electronic // Langage et Société. — 1997c. — N. 79. — P. 39—52. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/97EthnosDemos.html>.
75. Sériot, Patrick. Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale / Patrick Sériot. — Paris : Puf, 1999. — [2e éd. Limoges : Lambert-Lucas, 2012]. — Text : unmediated.
76. Sériot, Patrick. De la géolinguistique à la géopolitique : Jakobson et la 'langue moldave' / Patrick Sériot. — Text : electronic // Probleme de lingvistică generală și romanică. —

Chișinău, 2003. — Vol. 1. — P. 248–261. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/03Jakmold.html>.

77. Sériot, Patrick. La pensée ethnociste en URSS et en Russie post-soviétique / Patrick Sériot. — Text : electronic // Strates. — 2005a. — N. 12. — P. 111–125. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/05ETHNICISME/05Ethnicisme.html>.

78. Sériot, Patrick. Inventer l'autre pour être soi : l'instrumentalisation de la linguistique en ex-Yougoslavie / Patrick Sériot. — Text : electronic // Regards croisés sur l'ex-Yougoslavie / dans Gabrielle Varro (dir.). — Paris : L'Harmattan, 2005b. — P. 189–198. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/05Youg.html>.

79. Sériot, Patrick. Langue et nation : une relation problématique / Patrick Sériot, Pierre Caussat, Claudine Normand. — Text : electronic // Langue et nation en Europe centrale et orientale du XVIIIème siècle à nos jours, p. I-VI / dans Patrick Sériot (dir.). — 1996. — (Cahiers de l'ILSL ; N. 8]. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/96lnpref.html>.

80. Cahiers de l'ILSL. N. 17. Le discours sur la langue sous les pouvoirs autoritaires / Sériot Patrick et Tabouret-Keller Andrée (éds). — 2004. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/04Dicttdm.html>. — Text : electronic.

81. Tabouret-Keller, Andrée (dir.) Le Nom des langues. Les enjeux de la nomination des langues / Andrée Tabouret-Keller. — Louvain : Peeters, 1997. — 274 p. — Text : unmediated.

82. Thiesse, A.-M. La création d'identités nationales / A.-M. Thiesse. — Text : unmediated. — Paris : Editions du Seuil, 2001. — 307 p.

83. Trifon, Nicolas. La langue roumaine au cœur de la problématique de reconstruction nationale de la république de Moldavie / Nicolas Trifon. — Text : unmediated // Le second printemps des nations / dans Wanda Dressler (dir.). — Bruxelles : Bruylant, 1999. — P. 257–281.

84. Trifon, Nicolas. Retour sur une trouvaille stalinienne : la langue moldave / Nicolas Trifon. — Text : unmediated // Au Sud de l'Est. — Paris : Editions Non lieu, 2007. — N. 3.

85. Trifon, Nicolas. Guerre et paix des langues sur fond de malaise identitaire / Nicolas Trifon. — Text : unmediated // La République de Moldavie / dans Matei Cazacu et Nicolas Trifon. — Paris : Editions Non lieu, 2010. — P. 167–268.

86. Varro, Gabrielle (dir.). Regards croisés sur l'ex-Yougoslavie / Gabrielle Varro (dir.). — Paris : L'Harmattan, 2005. — Text : unmediated.

87. Vilcu-Poustovaia, Irina 'Si je suis moldave, je parle moldave' ou 'je parle roumain, donc je suis roumain(e)'. Nommer sa langue / Irina Vilcu-Poustovaia. — Text : unmediated // Education et sociétés plurilingues. — 1996. — N. 1. — P. 59–68.

88. Weigand, G. Linguistischer Atlas des Dacorumanischen Sprachgebietes / G. Weigand. — Leipzig, 1909. — Text : unmediated.

P. Seriot

University of Lausanne, Switzerland

ORCID ID: —

 E-mail: Patrick.Seriot@unil.ch.

What Is Behind the Name of the Language of the Republic of Moldova?

ABSTRACT. *In the light of the concepts of national identity, the article looks at the existing approaches to naming and defining the essence of the language of the Republic of Moldova. The study deals with the meta-discursive aspect of the dispute concerning the nature of the object-language, which leads to the fundamental questions of linguistics (What is it about when we say that language is used as an object of discourse? Where does the language begin and end? How competent are linguists in this matter?). The "Moldavian language" is an entity with a variable geometry, the plasticity of which allows for the most diverse and contradictory arguments based on three different principles: 1) positivist – there are nations, and each nation is a "native speaker" of a certain language (and precisely because it is a native speaker of a certain language, it is a people); 2) romantic – in order to build a literary language, the intelligentsia must rely on the language of the people; 3) administrative-commanding – in order to build a literary language, the intelligentsia (writers, poets, linguists) must teach the people to speak the correct language. This co-existence of the three principles in language discussions in Eastern Europe has all the hallmarks of a vicious circle in which cause and effect constantly take each other's place. The Moldovan language, which really "exists" in the minds of those who call it that, is the principle of asserting identity, not so much a means of communication as a criterion of community. But at the same time, it is also a means of non-communication, striving to be understood by someone from whom they want to differ at any cost in order to be themselves.*

KEYWORDS: *the Moldovan language; the Romanian language; language policy; national identity; discourse about language; literary language; principles of orthography; orthography.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Seriot Patrick, Professor Emeritus, Department of Slavic and South Asian Studies, Faculty of Arts, University of Lausanne, Switzerland.*

FOR CITATION: *Seriot, P. What Is Behind the Name of the Language of the Republic of Moldova? / P. Seriot // Political Linguistics. — 2021. — No 2 (86). — P. 33-56. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_02_03.*

REFERENCES

1. Bernshteyn, S. B. Foreword / S. B. Bernstein. — Text : unmediated // Grammar of the Romanian Language / J. Jordan. — Moscow : Foreign Literature Publishing House, 1950. [Predislovie / S. B. Bernshteyn. — Tekst : neposredstvennyy // Grammatika rumynskogo yazyka / Y. Yordan. — Moskva : Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1950]. — (In Rus.)

2. Borsch, A. T. Brief essays on the history of the Moldavian language (Prospectus of the work) / A. T. Borsch. — Text : unmediated // Questions of the Moldavian language in the light of the works of I. V. Stalin / Moldavian Branch of the USSR Academy of Sciences, Institute of History, Language and Literature. — Chisinau : State Publishing House of the Ministry of Education of the Moldavian SSR "Shkoala Sovietique", 1951. — P. 121–142. [Kratkie ocherki istorii moldavskogo yazyka (Prospekt raboty) / A. T. Borsch. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy moldavskogo yazyka v svete trudov I. V. Stalina / Moldavskiy

Filial AN SSSR, Institut istorii, yazyka i literatury. — Kishinev : Gosudarstvennoe izdatel'stvo ministerstva prosveshcheniya moldavskoy SSR «Shkoala sovetike», 1951. — S. 121–142]. — (In Rus.)

3. Budagov, R. A. The Moldavian language among the Romance languages (On the issue) / R. A. Budagov. — Text : unmediated // Issues of Moldavian linguistics / ed. V. Shishmarev, V. P. Sukhotin, D. E. Mikhailchi. — Moscow : Academy of Sciences of the USSR, 1953. — P. 121–134. [Moldavskiy yazyk sredi romanskikh yazykov (K postanovke voprosa) / R. A. Budagov. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy moldavskogo yazykoznanija / red. V. Shishmarev, V. P. Sukhotin, D. E. Mikhailchi. — Moskva : Akademiya nauk SSSR, 1953. — S. 121–134]. — (In Rus.)

4. Budagov, R. A. Closely related languages and some features of their study / R. A. Budagov. — Text : unmediated // Typology of similarities and differences of closely related languages. —

Chisinau : Shtiintsa, 1976. — P. 3—8. [Blizkorodstvennyye yazyki i nekotorye osobennosti ikh izucheniya / R. A. Budagov. — Tekst : neposredstvennyy // Tipologiya skhodstv i razlichiy blizkorodstvennykh yazykov. — Kishinev : Shtiintsa, 1976. — S. 3—8]. — (In Rus.)

5. Vartichan, I. K. To the problem of the grammatical structure of the Moldavian language in the light of I. V. Stalin's teaching about language / I. K. Vartichan. — Text : electronic // Issues of the Moldavian language in the light of the works of I. V. Stalin. — Chisinau : Shkoala sovietika, 1951. — P. 36—51. [K voprosu o grammaticheskom stroe moldavskogo yazyka v svete ucheniya I. V. Stalina o yazyke / I. K. Vartichan. — Tekst : elektronnyy // Voprosy moldavskogo yazyka v svete trudov I. V. Stalina. — Kishinev : Shkoala sovietike, 1951. — S. 36—51]. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Vartician51.html>. — (In Rus.)

6. Vinogradov, V. V. The main tasks of the Soviet science of language in the light of I. V. Stalin's works on linguistics / V. V. Vinogradov. — Text : unmediated // Questions of Moldavian linguistics / ed. Vladimir Shishmarev, V. P. Sukhotin, D. E. Mikhailchi. — Moscow : Publishing House of the Academy of Sciences, 1953. — P. 5—33. [Osnovnye zadachi sovetskoy nauki o yazyke v svete rabot I. V. Stalina po yazykoznaniiyu / V. V. Vinogradov. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy moldavskogo yazykoznaniiya / red. Vladimir Shishmarev, V. P. Sukhotin, D. E. Mikhailchi. — Moskva : Izdatel'stvo Akademii nauk, 1953. — S. 5—33]. — (In Rus.)

7. Grande, B. M. Language construction of the Moldavian ASSR / B. M. Grande. — Text : electronic // Revolution and writing. — Moscow, 1936. — No. 2. — P. 177—179. [Yazykovoe stroitel'stvo moldavskoy ASSR / B. M. Grande. — Tekst : elektronnyy // Revolyutsiya i pis'mennost'. — Moskva, 1936. — № 2. — S. 177—179]. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Grande36b.html>. — (In Rus.)

8. Ilizarov, B. S. Honorary Academician Stalin and Academician Marr / B. S. Ilizarov. — Moscow : Veche, 2012. — Text : unmediated. [Pochetnyy akademik Stalin i akademik Marr / B. S. Ilizarov. — Moskva : Veche, 2012. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

9. Chior, P. Foreword / P. Chior. — Text : electronic // Gramatika limbus moldovenesti / L. Madan. — Tirashpolya : ESM, 1929. — P. III—X. [Predislovie / P. Kior. — Tekst : elektronnyy // Gramatika limbiy moldovenesht' / L. Madan. — Tirashpolya : ESM, 1929. — S. III—X]. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Chior29.html>. — (In Rus.)

10. Madan, L. A. Gramatika limbiy moldovenesht' / L. A. Madan. — Tirashpolya : ESM, 1929. — Text : unmediated.

11. Marr, N. Ya. From the experiences of the prehistoric population of Europe, tribal or class, in Russian speech and toponymy (1926) / N. Ya. Marr. — Text : unmediated. — Cheboksary : Chuvash State Publishing House. — Reissue in: Selected works / N. Ya. Marr. — Moscow ; Leningrad : State Socio-Economic Publishing House, 1935. — Vol. V. — P. 310—322. [Iz perezhivaniy doistoricheskogo naseleniya Evropy, plemennykh ili klassovykh, v russkoy rechi i toponimike (1926) / N. Ya. Marr. — Tekst : neposredstvennyy. — Cheboksary : Chuvashskiy gosizdat. — Pereizd. v: Izbrannye raboty / N. Ya. Marr. — Moskva ; Leningrad : Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1935. — T. V. — S. 310—322]. — (In Rus.)

12. Marr, N. Ya. Selected works. Vol. V. Ethno and glottogony of Eastern Europe / N. Ya. Marr. — Moscow ; Leningrad : State Socio-Economic Publishing House, 1935. — Text : unmediated. [Izbrannye raboty. T. V. Etno- i glottogoniya Vostochnoy Evropy / N. Ya. Marr. — Moskva ; Leningrad : Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1935. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

13. Mikhailchi, D. E. Some tasks of Moldavian linguistics in the light of the works of I. V. Stalin / D. E. Mikhailchi. — Text : unmediated // Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR, Department of Literature and Language. — 1951. — No. 3. — P. 294—298. [Nekotorye zadachi moldavskogo yazykoznaniiya v svete trudov I. V. Stalina / D. E. Mikhailchi. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya Akademii nauk SSSR, Otdelenie literatury i yazyka. — 1951. — № 3. — S. 294—298]. — (In Rus.)

14. Mikhailchi, D. E. Tasks of Moldavian linguistics / D. E. Mikhailchi. — Text : unmediated // Issues of Moldavian linguistics /

ed. V. F. Shishmarev [and others]. — Moscow : FN USSR, 1953. — P. 53—72. [Zadachi moldavskogo yazykoznaniiya / D. E. Mikhailchi. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy moldavskogo yazykoznaniiya / red. V. F. Shishmarev [i dr.]. — Moskva : FN SSSR, 1953. — S. 53—72]. — (In Rus.)

15. Auroux, Sylvain. History. Epistemology. Language / Oru Sylvain (Auroux, Sylvain). — Moscow : Progress, 2000. — Text : unmediated. [Istoriya. Epistemologiya. Yazyk / Oru Sil'ven. — Moskva : Progress, 2000. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

16. Piotrovskiy, R. G. Collection "Issues of the Moldavian language in the light of the works of I. M. Stalin": review / R. G. Piotrovskiy. — Text : unmediated // Issues of linguistics. — 1952. — No. 1. — P. 149—154. [Sbornik «Voprosy moldavskogo yazyka v svete trudov I. M. Stalina» : retsenziya / R. G. Piotrovskiy. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy yazykoznaniiya. — 1952. — № 1. — S. 149—154]. — (In Rus.)

17. Piotrovskiy, R. G. Slavic-Moldavian linguistic relations and questions of the national specificity of the Moldavian language / R. G. Piotrovskiy. — Text : unmediated // Issues of Moldavian linguistics / ed. V. Shishmarev, V. P. Sukhotin, D. E. Mikhailchi. — Moscow : Academy of Sciences of the USSR, 1953. — P. 135—149. [Slavyano-moldavskie yazykovye otnosheniya i voprosy natsional'noy spetsifiki moldavskogo yazyka / R. G. Piotrovskiy. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy moldavskogo yazykoznaniiya / red. V. Shishmarev, V. P. Sukhotin, D. E. Mikhailchi. — Moskva : Akademiya nauk SSSR, 1953. — S. 135—149]. — (In Rus.)

18. Sergievskiy, M. V. Materials for the study of living Moldovan dialects on the territory of the USSR / M. V. Sergievskiy. — Text : unmediated // Scientific notes of the Institute of Language and Literature. — Moscow, 1927. — Vol. I. — P. 73—97. [Materialy dlya izucheniya zhivyykh moldavskikh govorov na territorii SSSR / M. V. Sergievskiy. — Tekst : neposredstvennyy // Uchenye zapiski Instituta yazyka i literatury. — Moskva, 1927. — T. I. — S. 73—97]. — (In Rus.)

19. Sergievskiy, M. V. Moldavian sketches / M. V. Sergievskiy. — Text : unmediated // Proceedings of the Moscow Institute of History, Philosophy and Literature. — Moscow, 1939. — Vol. V. — P. 175—210. [Moldavskie etyudy / M. V. Sergievskiy. — Tekst : neposredstvennyy // Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury. — Moskva, 1939. — T. V. — S. 175—210]. — (In Rus.)

20. Sergievskiy, M. V. Toponymy of Bessarabia and its evidence of the process of settlement of the territory / M. V. Sergievskiy. — Text : electronic // News of the Academy of Sciences, Department of Literature and Language. — 1946. — No. 4. — P. 333—350. [Toponimiya Bessarabii i ee svidetel'stvo o protsesse zaseleniya territorii / M. V. Sergievskiy. — Tekst : elektronnyy // Izvestiya Akademii nauk, Otdelenie literatury i yazyka. — 1946. — № 4. — S. 333—350]. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Sergievskij46.html>. — (In Rus.)

21. Sergievskiy, M. V. The problem of the origin and development of the Moldavian language in the light of linguistics / M. V. Sergievskiy. — Text : unmediated // Scientific notes of the Institute of History, Language and Literature of the Moldovan research base of the USSR Academy of Sciences. — Chisinau, 1948. — Vol. 1. [Problema proiskhozhdeniya i razvitiya moldavskogo yazyka v svete yazykoznaniiya / M. V. Sergievskiy. — Tekst : neposredstvennyy // Uchenye zapiski Instituta istorii, yazyka i literatury moldavskoy nauchno-issledovatel'skoy bazy Akademii nauk SSSR. — Kishinev, 1948. — T. 1]. — (In Rus.)

22. Serebrennikov, B. A. Problems of comparative historical study of languages and issues of Moldavian linguistics / B. A. Serebrennikov. — Text : unmediated // Issues of Moldavian linguistics / ed. V. Shishmarev, V. P. Sukhotin, D. E. Mikhailchi. — Moscow : Academy of Sciences of the USSR, 1953. — P. 34—53. [Problemy sravnitel'no-istoricheskogo izucheniya yazykov i voprosy moldavskogo yazykoznaniiya / B. A. Serebrennikov. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy moldavskogo yazykoznaniiya / red. V. Shishmarev, V. P. Sukhotin, D. E. Mikhailchi. — Moskva : Akademiya nauk SSSR, 1953. — S. 34—53]. — (In Rus.)

23. Stalin, I. V. Marxism and the National Question (1913) / I. V. Stalin. — Text : unmediated. — Publ. entitled: The National Question and Social Democracy // Enlightenment. — 1913. — No. 3, 4, 5 4; reissued. entitled: The National Question and Marx-

- ism. — St. Petersburg : Surf, 1914. [Marksizm i natsional'nyy vopros (1913) / I. V. Stalin. — Tekst : neposredstvennyy. — Opubl. pod nazvaniem: Natsional'nyy vopros i sotsial-demokratiya // Prosveshchenie. — 1913. — № 3, 4, 5 4; pereizd. pod nazvaniem: Natsional'nyy vopros i marksizm. — Sankt-Peterburg : Priboy, 1914]. — (In Rus.)
24. Stalin, I. V. Marxism and questions of linguistics / I. V. Stalin. — Moscow : State Publishing House of Political Literature, 1950. — Text : unmediated. [Marksizm i voprosy yazykoznaniiya / I. V. Stalin. — Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1950. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
25. Cheban, I. Pressing issues of the Moldavian language in the light of the works of I. V. Stalin / I. Cheban. — Text : electronic // Questions of the Moldavian language in the light of the works of I. V. Stalin. — Chisinau : Shkoala sovietika, 1951. — P. 5—35. [Nasushchnye voprosy moldavskogo yazyka v svete trudov I. V. Stalina / I. Cheban. — Tekst : elektronnyy // Voprosy moldavskogo yazyka v svete trudov I. V. Stalina. — Kishinev : Shkoala sovietika, 1951. — S. 5—35]. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Ceban-51.html>. — (In Rus.)
26. Shishmarev, V. F. Romance languages of South-Eastern Europe and the national language of the Moldavian SSR / V. F. Shishmarev. — Text : unmediated // Issues of linguistics. — 1952. — No. 1. — P. 80—106. [Romanskie yazyki Yugo-Vostochnoy Evropy i natsional'nyy yazyk Moldavskoy SSR / V. F. Shishmarev. — Tekst : neposredstvennyy. — Voprosy yazykoznaniiya. — 1952. — № 1. — S. 80—106]. — (In Rus.)
27. Shishmarev, V. F. Romance languages of South-Eastern Europe and the national language of the Moldavian SSR / V. F. Shishmarev. — Text : unmediated // Issues of Moldavian linguistics / ed. Vladimir Shishmarev, V. P. Sukhotin, D. E. Mikhailchi. — Moscow : Publishing House of the Academy of Sciences, 1953. — P. 73—120. [Romanskie yazyki Yugo-Vostochnoy Evropy i natsional'nyy yazyk Moldavskoy SSR / V. F. Shishmarev. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy moldavskogo yazykoznaniiya / red. Vladimir Shishmarev, V. P. Sukhotin, D. E. Mikhailchi. — Moskva : Izdatel'stvo Akademii nauk, 1953. — S. 73—120]. — (In Rus.)
28. Jakobson, R. O. To the characteristics of the Eurasian language union / R. O. Jakobson. — Paris : Publishing House of the Eurasians, 1931a. — Text : unmediated. [K kharakteristike evraziyskogo yazykovogo soyuza / R. O. Jakobson. — Parizh : Izdatel'stvo evraziytssev, 1931a. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
29. Bellet, Marc de. La Moldova : un nouvel État face à ses minorités et à ses voisins / Marc de Bellet. — Text : unmediated // Nationalismes en Europe centrale et orientale : conflits ou nouvelles cohabitations ? / dans M. Aligisakis et alii (dir.). — Genève : Institut européen, Georg édit, 1997. — P. 87—117.
30. Bernaz, Oleg. Identité nationale et politique de la langue. Une analyse foucauldienne du cas moldave / Oleg Bernaz. — Bern : Peter Lang, 2016. — Text : unmediated.
31. Bochmann, Klaus. Quand les minorités mettent en question la stabilité de l'État. Le cas de la république de Moldavie / Klaus Bochmann. — Text : unmediated // La Gestion des minorités linguistiques dans l'Europe du XXIème siècle / Carmen Alén Garabato. — Limoges : Lambert-Lucas, 2013. — P. 25—33.
32. Bogdan, I. Istoriografia română și problemele ei actuale / I. Bogdan. — București, 1905. — (Acad. Rom., Discurs ; XXVII). — Text : unmediated.
33. Bruchis, Michael. One Step back, Two Steps Forward : on the Language Policy of the Communist Party of the Soviet Union in the National Republics / Michael Bruchis. — Boulder (CO) : East European Monographs, 1982. — Text : unmediated.
34. Bruchis, Michael. The Republic of Moldavia. From the collapse of the Soviet Empire to the Restoration of the Russian Empire / Michael Bruchis. — New York : Columbia Univ. Press, 1996. — Text : unmediated.
35. Caratini, Roger. Dictionnaire des nationalités et des minorités de l'ex-URSS / Roger Caratini. — Paris : Larousse, 1992. — Text : unmediated.
36. Cazacu, Matei. La République de Moldavie / Matei Cazacu, Nicolas Trifon. — Paris : Editions Non-lieu, 2010. — Text : unmediated.
37. Cinclai, Grigore. Les notions de langue et nation roumaines à l'Est du Prout / Grigore Cinclai. — Text : unmediated // Cahiers de l'ILSL (Lausanne) / red. Patrick Sériot. — 1996. — N. 8 : Langue et nation en Europe centrale et orientale du XVIIIème siècle à nos jours. — P. 75—92.
38. Coșeriu, Eugen. Identitatea limbii și poporului român / Eugen Coșeriu. — Text : unmediated // Limba română. — 2002. — N 10. — P. 2—3.
39. Damian, Angela. Qui sommes-nous ? De l'identité collective à la construction nationale / Angela Damian. — Text : unmediated // Moldavie : repères et perspectives / Catherine Durandin et Irina Gridan. — Paris : L'Harmattan, 2017.
40. Deletant, Denis. Language Policy and Linguistic Trends in Soviet Moldavia / Denis Deletant. — Text : unmediated // Language Planning in the Soviet Union / Kirkwood Michael (ed.). — London : Macmillan, 1989.
41. Diaconescu, E. Români din Răsărit [Восточные румыны] / E. Diaconescu. — Iași : Transnistria, 1942.
42. Dressler, Wanda (red.). Le Second Printemps des nations / Wanda Dressler. — Bruxelles : Bruylant, 1999. — Text : unmediated.
43. Drwieski, Bruno. L'espace Baltique — Mer noire / Bruno Drwieski. — Text : unmediated // Strates. — 2006. — N. 12. — P. 157—176.
44. Durandin, Catherine. Moldavie : repères et perspectives / Catherine Durandin, Irina Gridan. — Paris : L'Harmattan, 2017. — Text : unmediated.
45. Dyer, Donald L. The Making of the Moldavian Language / Donald L. Dyer. — Text : unmediated // Studies in Moldovan: The History, Culture, Language and Contemporary Politics of the People of Moldova. — Boulder (CO) : East European Monographs, 1996. — P. 89—108.
46. Dyer, Donald L. Some Influences of Russian on the Romanian of Moldova During the Soviet Period / Donald L. Dyer. — Text : unmediated // Slavic and East European Journal. — 1999. — Vol. 43. — N. 1. — P. 85—98.
47. Frege, Gottlob. Über Sinn und Bedeutung / Gottlob Frege. — Text : unmediated // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. — 1892. — N. 100. — S. 25—50.
48. Gadet, Françoise. Jakobson entre l'Est et l'Ouest, 1915-1939 / Gadet Françoise et Sériot Patrick (éds.). — Lausanne, 1997. — (Cahiers de l'ILSL ; n 9). — Text : unmediated.
49. Glyn, Lewis E. Multilingualism in the Soviet Union / Lewis E. Glyn. — The Hague : Mouton, 1972. — Text : unmediated.
50. Grenoble, Lenore. Language Policy in the Soviet Union / Lenore Grenoble. — Dordecht : Kluwer, 2003. — Text : unmediated.
51. Jakobson, Roman. Les unions phonologiques de langues / Roman Jakobson. — Text : unmediated // Le Monde slave. — 1931b. — N. 1. — P. 371—378.
52. Jakobson, Roman. Slavische Sprachfragen in der Sowjetunion / Roman Jakobson. — Text : electronic // Slavische Rundschau. — 1934. — N°1. — S. 324—343. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Jakobson34.html>.
53. Jakobson, Roman. Sur la théorie des affinités phonologiques entre les langues (1938) / Roman Jakobson. — Text : unmediated // dans Actes du IVe congrès international de linguistes (Copenhague, 1936). — Quoted from Selected Writings / R. Jakobson. — The Hague : Mouton, 1971. — Vol. I. — P. 234—246.
54. Jakobson, Roman. Selected Writings. I / Roman Jakobson. — The Hague : Mouton, 1971. — Text : unmediated.
55. Kamusella, Tomasz. Creating Languages in Central Europe during the Last Millenium / Tomasz Kamusella. — New York : Palgrave Macmillan, 2015. — Text : unmediated.
56. Kazazis, Kostas. How Non-Rumanian Is 'Moldavian?' / Kostas Kazazis. — Text : unmediated // Papers from the Second Conference on the Non-Slavic Languages of the USSR. Folia Slavica. — Columbus (OH) : Slavica, 1982. — Vol. 5, N 1—3. — P. 224—229.
57. King, Charles. Moldovan Identity and the Politics of Pan-Romanianism / Charles King. — Text : unmediated // Slavic Review. — 1994. — Vol. 53, n° 2. — P. 345—368.
58. King, Charles. La Construction de la nation moldave / Charles King. — Oxford : Oxford University Press, 1995. — Text : unmediated.
59. King, Charles. Politique panroumaine et identité moldove / Charles King. — Balkanologie, 1997. — Vol. I. — N°1. — URL: <https://journals.openedition.org/balkanologie/195>. — Text : electronic.
60. King, Charles. The Ambivalence of Authenticity, or How the Moldovan Language Was Made / Charles King. — Text :

unmediated // *Slavic Review*. — 1999. — Vol. 58. — N. 1. — P. 117–142.

61. Kirkwood, Michael (ed.). *Language Planning in the Soviet Union* / Michael Kirkwood. — London : Macmillan, 1990. — Text : unmediated.

62. Kleß, Arnold. *Rumänisch und moldauisch* / Arnold Kleß. — Text : unmediated // *Osteuropa*. — 1995. — Vol. V, fasc. 4. — P. 281–284.

63. Lența, Anatol. *L'invention de la langue moldave à l'époque soviétique* / Anatol Lența. — Text : unmediated // *Le discours sur la langue sous les pouvoirs autoritaires* / Patrick Sériot et Andrée Tabouret-Keller (éds.). — 2004. — P. 115–134. — (Cahiers de l'ILSL; N. 17).

64. Martonne, Emmanuel de. *Choses vues en Bessarabie* / Emmanuel de Martonne. — Text : electronic // *La Revue de Paris*. — 1919. — T. V, sept.-oct. — P. 499–534. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/textes/Martonne19.html>.

65. Mullen, James. *Is There a Moldavian language?* / James Mullen. — Text : unmediated // *Irish Slavonic Studies*. — 1989. — N. 10. — P. 47–62.

66. Quinet, Edgard. *Œuvres complètes : Les Roumains*. — Paris : Germer-Baillière, 1856. — Text : unmediated.

67. Saussure, Ferdinand de. *Cours de linguistique générale* / Ferdinand de Saussure. — Paris : Payot, 1979. — (2e éd., 1916).

68. Sériot, Patrick. *L'un et le multiple : l'objet-langue dans la politique linguistique soviétique* / Patrick Sériot. — Text : electronic // *États de langue (Encyclopédie Diderot)*. — Paris : Fayard, 1986. — P. 118–157. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/86.DID.html>.

69. Sériot, Patrick. *Rome, Byzance et la politique de la langue en URSS* / Patrick Sériot. — Text : electronic // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. — 1988. — T. XXIX. — N. 3-4, juillet-décembre. — P. 567–574. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/88RomByz.html>.

70. Sériot, Patrick. *Linguistique nationale ou linguistique nationaliste* / Patrick Sériot. — Text : electronic // *La Question russe. Essais sur le nationalisme russe* / Michel Niqueux (éd.). — Paris : éditions Universitaires, 1992. — P. 115–130. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/92ling%20nat.pdf>.

71. Sériot, Patrick. *Nations et nationalités en U.R.S.S./C.E.I.* / Patrick Sériot. — Text : electronic // *Dictionnaire international du fédéralisme* / dans François Saint-Ouen (dir.). — Bruxelles : Bruylant, 1994. — P. 413–416. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/94Federalisme.html>.

72. Sériot, Patrick. *Des éléments systémiques qui sautent les barrières des systèmes* / Patrick Sériot. — Text : electronic // *Jakobson entre l'Est et l'Ouest, 1915-1939* / Françoise Gadet et Patrick Sériot (éds.). — Lausanne, 1997a. — P. 213–236. — (Cahiers de l'ILSL ; N. 9). — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/97JAK/97Jakart.html>.

73. Sériot, Patrick. *Faut-il que les langues aient un nom? Le cas du macédonien* / Patrick Sériot. — Text : electronic // *Le nom des langues. Les enjeux de la nomination des langues* / dans Andrée Tabouret-Keller (dir.). — Louvain : Peeters, 1997b. — P. 167–190. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/97maced TK.html>.

74. Sériot, Patrick. *Ethnos et demos : la construction discursive de l'identité collective* / Patrick Sériot. — Text : electronic //

Langage et Société. — 1997c. — N. 79. — P. 39–52. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/97EthnosDemos.html>.

75. Sériot, Patrick. *Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale* / Patrick Sériot. — Paris : Puf, 1999. — [2e éd. Limoges : Lambert-Lucas, 2012]. — Text : unmediated.

76. Sériot, Patrick. *De la géolinguistique à la géopolitique : Jakobson et la 'langue moldave'* / Patrick Sériot. — Text : electronic // *Probleme de lingvistică generală și romanică*. — Chișinău, 2003. — Vol. 1. — P. 248–261. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/03Jakmold.html>.

77. Sériot, Patrick. *La pensée ethnociste en URSS et en Russie post-soviétique* / Patrick Sériot. — Text : electronic // *Strates*. — 2005a. — N. 12. — P. 111–125. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/05ETHNICISME/05Ethnicisme.html>.

78. Sériot, Patrick. *Inventer l'autre pour être soi : l'instrumentalisation de la linguistique en ex-Yougoslavie* / Patrick Sériot. — Text : electronic // *Regards croisés sur l'ex-Yougoslavie* / dans Gabrielle Varro (dir.). — Paris : L'Harmattan, 2005b. — P. 189–198. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/05Youg.html>.

79. Sériot, Patrick. *Langue et nation : une relation problématique* / Patrick Sériot, Pierre Caussat, Claudine Normand. — Text : electronic // *Langue et nation en Europe centrale et orientale du XVIIIe siècle à nos jours, p. I-VI* / dans Patrick Sériot (dir.). — 1996. — (Cahiers de l'ILSL ; N. 8]. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/96Inpref.html>.

80. *Cahiers de l'ILSL. N. 17. Le discours sur la langue sous les pouvoirs autoritaires* / Sériot Patrick et Tabouret-Keller Andrée (éds.). — 2004. — URL: <http://crecleco.seriot.ch/recherche/biblio/04Dictdm.html>. — Text : electronic.

81. Tabouret-Keller, Andrée (dir.). *Le Nom des langues. Les enjeux de la nomination des langues* / Andrée Tabouret-Keller. — Louvain : Peeters, 1997. — 274 p. — Text : unmediated.

82. Thiesse, A.-M. *La création d'identités nationales* / A.-M. Thiesse. — Text : unmediated. — Paris : Editions du Seuil, 2001. — 307 p.

83. Trifon, Nicolas. *La langue roumaine au cœur de la problématique de reconstruction nationale de la république de Moldavie* / Nicolas Trifon. — Text : unmediated // *Le second printemps des nations* / dans Wanda Dressler (dir.). — Bruxelles : Bruylant, 1999. — P. 257–281.

84. Trifon, Nicolas. *Retour sur une trouvaille stalinienne : la langue moldave* / Nicolas Trifon. — Text : unmediated // *Au Sud de l'Est*. — Paris : Editions Non lieu, 2007. — N. 3.

85. Trifon, Nicolas. *Guerre et paix des langues sur fond de malaise identitaire* / Nicolas Trifon. — Text : unmediated // *La République de Moldavie* / dans Matei Cazacu et Nicolas Trifon. — Paris : Editions Non lieu, 2010. — P. 167–268.

86. Varro, Gabrielle (dir.). *Regards croisés sur l'ex-Yougoslavie* / Gabrielle Varro (dir.). — Paris : L'Harmattan, 2005. — Text : unmediated.

87. Vilcu-Poustovaia, Irina. *'Si je suis moldave, je parle moldave' ou 'je parle roumain, donc je suis roumain(e)'. Nommer sa langue* / Irina Vilcu-Poustovaia. — Text : unmediated // *Education et sociétés plurilingues*. — 1996. — N. 1. — P. 59–68.

88. Weigand, G. *Linguistischer Atlas des Dacorumanischen Sprachgebietes* / G. Weigand. — Leipzig, 1909. — Text : unmediated.